Андрей Кинсбурский

СВЯЗЬ МИРОВИДЕНИЯ И МЫШЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ СО СТРОЕНИЕМ ЕЁ ЯЗЫКА

Десятилетиями, если не столетиями, наша общественность мечется между пресмыкательством, подражанием с одной стороны и патриотизмом (в т. ч. квасным), шапкозакидательством с другой. Особенно это касается злосчастных отношений с Европой, короткие «медовые месяцы» с которой неизменно заканчиваются в конце концов войной. Казалось бы, после развала СССР уже ничто не могло нарушить мировую гегемонию западного наднационального капитала, но план глобализации сорвался в очередной раз. В чём же причина этого?

Можно задать много вопросов, связанных с взаимодействием и противостоянием народов, культур и цивилизаций. Почему мир опять движется к большой войне? Почему, несмотря на страшные уроки Второй мировой, так и не получилось установить взаимопонимание, выработать единый взгляд на историческое прошлое и приемлемый план общего будущего? Почему значительная влиятельная часть нашего общества вместо следования заветам предков, идеям русской философской школы и русского космизма, подражает, раболепствует и добровольно вводит себя и Россию в колониальное состояние? Почему, несмотря на тяжкие уроки, наша верхушка упорно продолжает верить обещаниям и договорам и потом признаётся, что её в который раз откровенно и нагло кинули? Почему на четвёртый год СВО продолжаются упорные поиски на Западе здравомыслящих лиц, настроенных на мирное сотрудничество, при том, что подавляющее большинство европейцев целенаправленно заражается русофобией и готовится к войне?

Ответы ищут в экономических, идеологических, политических, религиозных, культурных, исторических и геоклиматических особенностях и условиях. Считают сложившееся результатом пропаганды, поиска выгоды, текущей обстановки. Однако глубинная причина лежит в сущностном различии метафизических первичных кодов мировидения народов, отлившихся и застывших в системных формах синтаксических строя и семантического состава национальных языков.

Народ — это языковая общность, а человек — часть народа или языковая личность. Основой, костяком языка является его синтаксическое строение, закреплённое в правилах грамматики. Синтаксис меняется очень медленно, поэтому мы можем понимать язык берестяных грамот, язык предков, живших много столетий назад. В формах синтаксического строя закрепляется коллективное когнитивное бессознательное народа, его мировидение, метафизика, алгоритм, код мышления и сознания. А потом на основе форм родного языка идёт передача этих матриц для следующих поколений.

Конечно, характеристики мышления не определяются напрямую строением языка, как и язык не является строго зависимым следствием мышления.

Современные билингвы легко переключаются между системами. Также очень важна для мышления получаемая в процессе воспитания и образования культура. На его характеристики нивелирующее влияние оказывает глобализация. Постоянно происходят конфликты из-за несовпадения взглядов и ценностей у разных поколений. Между бессознательными установками, характеристиками мышления отцов и детей, женщин и мужчин, представителей разных слоёв и классов существуют важные коренные отличия. Очень важны индивидуальные характеристики человека. Но если исследовать языковую общность (племя, народ, цивилизацию) как реально существующее отдельное целое, то очевидно, что её метафизические слабоосознаваемые установки во многом определяют характерные особенности всех форм общественного сознания: религии, науки, философии, искусства, права, идеологии, представлений об обществе и государственном устройстве. О том, что правильно, ценно, справедливо, красиво, нравственно...

В самоназвании каждого племени или народа отражается его понимание своей выделенности, особенности своего духовного строя и бытия. Каждый язык — это отдельная вселенная со своими законами, пейзажами и горизонтами. Для каждого народа его родной язык — самое ценное, что у него есть. Не было, нет и не может быть единого метаязыка, т.к. человеческий род — это не один вид, а социальное царство, состоящее из множества социальных видов. Каждый народ императивно руководствуется своими коллективными бессознательными установками и имеет особый менталитет, т.е. своё понимание добра, красоты, истины, правды, справедливости, жизни, смерти, Бога…

Глобализация идёт через гибель или подчинение более слабых и неудачливых. Язык победителей замещает язык побеждённых. В условиях напряжённого длительного взаимодействия и необходимости быстрой связи, чаще всего в условиях колониализма, торговли или миграции, возникает очень упрощённый язык (пиджин) с ограниченной грамматикой и лексикой, служащий средством общения между группами, не имеющими общего языка. Пиджин берёт из господствующего языка его слова, но не способен перенять его грамматический строй. Когда он становится родным языком для нового поколения (детей), пиджин усложняется, развивается и превращается в креольский язык со своими правилами, особенностями произношения и изменениями значений слов. Для построения предложения и передачи мысли пиджины и креольские языки способны использовать только простые аналитические средства: служебные слова, закреплённый порядок слов, повторение слов или изменение интонации. С потерей своего языка (переходом на пиджин или на язык господ) народ погибает как языковая общность.

За извечным кипением, союзами и враждой многополярного мира скрывается жёсткое соперничество несводимых друг к другу грамматических «цивилизаций». Все основные типы синтаксического строя языков, кроме полисинтетическюго, образуют «языковые материки», предлагающие свои проекты будущего мира:

— изолирующие языки во главе с *китайским* (Китай);

— аналитические языки во главе с *английским* (коллективный Запад);
— агглютинативные языки во главе с *турецким* (Тюркский совет);
— корне-квадратные языки: *иврит* (Израиль) и *арабский* (Арабская лига);
— флективные индоевропейские языки во главе с *русским* («Русский мир»).

С учётом того, что государственные языки покрывают языки малых народов, входящих в государства, а также с учётом нескольких веков масштабной колонизаторской экспансии западноевропейских аналитических языков в наше время картина мира грубо выглядит так.

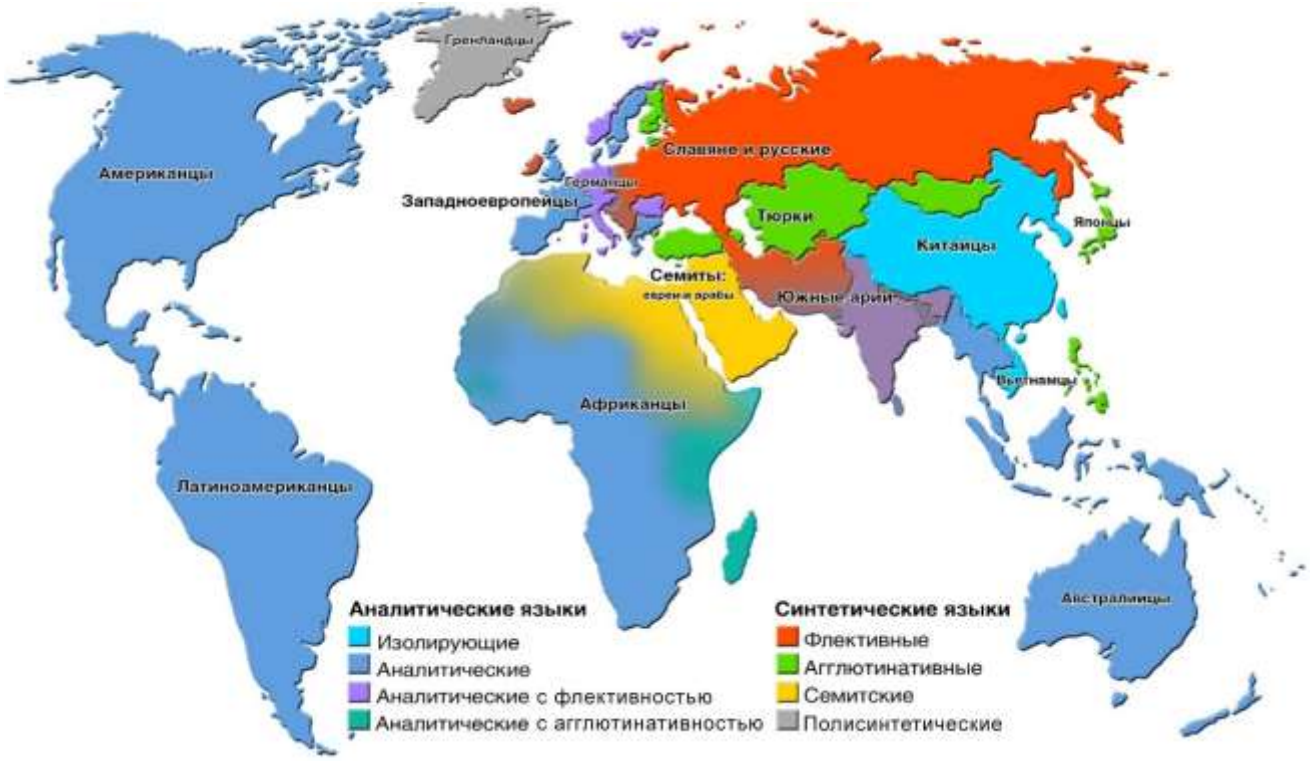

Рис. 1. Карта культурно-цивилизационных «языковых материков».
В странах Северной и Латинской Америки, центральной и южной Африки, Австралии, Океании, Новой Зеландии и островов Тихого океана государственными или вторыми языками являются аналитические языки колонизаторов из Западной Европы: английский, испанский, французский, португальский, немецкий.
«Красная река» флективных языков, протекающая через Армению и Иран до полуострова Индостан — это результат перехода 3500 лет назад с Русской равнины рода южных ариев, родственников западных и восточных славян по их совместному происхождению от рода ариев в Европе около 5000 лет назад.
Армянский флективный язык разделяет агглютинативные тюркские языки Турции и Азербайджана. Проводимые акты агрессии против Армении и Ирана направлены в том числе на их ослабление как союзников России для её изоляции.
Инкорпорирующие полисинтетические языки (гренландский, некоторые индейские и кавказские, языки ряда малочисленных северных народов) — это языки племён и племенных объединений, не создавших своих государств, в наше время входящие в состав иных государств: США, Канады, России, Дании. Малочисленные народы, говорящие на них, не участвуют в игре с выдвижением своего плана глобализации мира.

Подсчёт носителей носит очень приблизительный характер, т.к. нет языков с чистым типом и сложно всё учесть. Многие тысячи мелких языков, носители которых составляют около 16–30 % от населения Земли, плохо изучены, имеют смешанный тип, и не ясно, к какому типу их причислять и т.д. Подсчёт сделан лишь для общего понимания соотношений между языковыми массивами. По данным ИИ общее число носителей аналитических языков (родной + второй) в порядке убывания (с учётом немецкого, хинди, испанского и других преимущественно аналитических индоевропейских языков) можно оценить примерно в диапазоне: 2,8–3,2 миллиардов человек. Носителей изолирующих языков — порядка 1,2–1,3 миллиарда человек. В сумме число носителей агглютинативных языков (родных + вторых) — порядка около 450–550 миллионов человек. Общее число носителей корне-квадратных семитских языков — порядка 400–450 миллионов человек. Общее число носителей индоевропейских флективных синтетических языков — около 300–350 миллионов. Суммарное число носителей инкорпорирующих языков — менее 0,01 %, всего лишь около 300–500 тысяч человек, включая родных и вторых носителей.

Общее число носителей языков по основным типам в порядке убывания

Рис. 2. Мы видим на схеме огромное преобладание аналитических языков, которые вместе с изолирующими языками, лишь условно отличающимися от аналитических почти полным или полным отсутствием морфологии слова, составляют около 60 %.

Язык общности — внешнее проявление внутреннего языка её генетического кода. Согласно концепции Р. О. Якобсона, языковой код изоморфен генетическому коду, копирует его структурные принципы в условиях «бессознательного владения живым организмом знанием характера и структуры последнего» [1, с. 5–9.]. В многообразии форм строения языков отражаются и закрепляются возможные первичные подходы языковых общностей к пониманию строения мироздания, которые нашли своё осознанное выражение в существующих мировоззренческих философско-религиозных взглядах и учениях [2]. Мировидение языковых

общностей имеет метафизический, а потому априорный и аксиоматичный характер, означающий, что логическое опытное мышление, являющееся средством естествознания, по определению неспособно к познанию лежащих за пределами возможного опыта первичных принципов бытия. Мало того, метафизические представления, выстраивающие картину мировидения языковой общности и лежащие в основании её сознания, мышления и деятельности, обычно не осознаются мыслителями, кроме тех, кто специально углубляются в эти философские вопросы. При этом система представлений метафизики, на которые опирается понимание языковой общностью законов физического бытия, должна соответствовать и проверяться ими. Поэтому краеугольный вопрос об исходной метафизической модели стоит не только перед философским и религиозным сознанием, но и перед естествознанием.

Выбор метафизической модели мироздания зависит от решения краеугольного вопроса философии о целом и части. «*Метафизика — попытка постичь мир как целое с помощью мысли*» (Макс Борн) [3]. Все объекты познания можно разделить на отдельные явления, обозначаемые собственными именами, и на общие понятия, характеризующие схожие по признакам явления и вещи, от первичных до обобщений высокого уровня вплоть до предельных категорий Вселенной, пространства, времени и т. п., обозначаемых нарицательными именами. Все эти объекты — достаточно единые целые, произвольно выделяемые сознанием конкретной языковой личности, являющейся частью языковой общности на основе её метафизического мировидения, из нерасчленённого фона, образованного непрерывным потоком ощущений. Целые не в смысле их полноты, а в смысле выделения и единства.

Первичный вопрос о целом касается модели, сущности и характеристик важнейших категорий целого и части, отношений между ними, принципов, на которых согласно с законами логики возможны построение, существование и распад всякого целого (вплоть до всего мироздания), рассматриваемого как единство. Как сказано выше, ответ на него имеет бесспорный, очевидный, умозрительный, доопытный характер. Но при этом он определяет решение практически всех вопросов, связанных с мировоззрением, в том числе т. н. «основного вопроса» диалектического материализма о первичности материи или сознания, об отношении сознания к материи, мышления к бытию, духа к природе. Именно модель целого, принципы, на которых оно строится, в значительной степени задают характеристики возводимых далее на их основе всех форм общественного и индивидуального сознания: религиозного, философского, научного, эстетического, этического, правового, политического [4].

Выбор метафизической модели зависит от применяемой методологии, т.е. метода и языка мышления. Все выработанные методы познания и живые языки получили проверку в борьбе языковых общностей (народов) за существование, поэтому все они обладают в определённой мере познавательной ценностью, под своим углом зрения отвечая на вопросы устройства мироздания.

1. Основные методы познания метафизического строения целого

На выбор языковой общностью метода познания влияют её духовные задатки, наследственный код, строй психики, история возникновения, опыт развития, среда, место обитания, и иные причины. Применяемый метод «отливается» и «застывает» в синтаксических и семантических характеристиках строения её языка, закрепляющего познавательные особенности и ограничивающего возможности и способности данной языковой общности. Прежде всего это связано с используемым ею основным типом логического познания.

1.1. Три типа логического познания

В монографии «Триадология» Е. П. Борзовой подробно исследуются типы логики, история их осмысления, роль «триалектики миропонимания, триединства, триады и троичности в изучении истории культуры, философии и современных глобальных аспектов развивающейся мировой действительности» [5].

«*Разум, постигая развитие всеобщего, сам развивается, имея, как снятые моменты в себе, три следующих момента: эмпирическую рефлексию (первое погружение мышления в то знание, которое дает опыт), рассудочную, т.е. метафизическую рефлексию (негативная диалектика, ее предмет — конечное, особенное) и положительно-разумную (ее предмет — бесконечное, абсолютное). На третьей ступени разум становится тождествен духу*» [5].

Необходимо подчеркнуть, что ступенчатость разума не означает закономерность и неизбежность восхождения языковой общности в перспективе на более высокую ступень. Синтаксис сложившейся знаковой системы строго определяет грамматику всех своих частей и не способен к быстрой качественной трансформации. Резкие изменения на деле приводят к слому системы языка и к фактической гибели народа, как особого языково-культурного социального вида. Замечено также, что изменение языка легче идёт в сторону упрощения, а не восхождения к гибким сложным природосообразным формам.

Е. П. Борзова выделяет три основных типа логического познания:

1) эмпирическая рефлексия (опытный рассудок);
2) метафизическая рефлексия (отвлечённый рассудок);
3) триалектическая или триадологическая рефлексия (разум живого целого).

Эмпирическая рефлексия

Так как имя нарицательное — это всегда отвлечённое обобщающее понятие, на уровне чистой эмпирической рефлексии функционирование языка и познания в принципе невозможно. Однако имеются языки первобытных народностей, которые условно можно связать с данным типом, т.к. в них слабо используются высокие и

предельные умозрительные обобщения. С другой стороны, строгое научное опытное рациональное познание также отвергает метафизические абстракции ввиду их непостижимости опытным путём. Опытный рассудок часто применяется в доводах как на бытовом уровне, так и в области естествознания. Данный уровень мышления подробно описан в книге Е.П. Борзовой. Он был раскрыт в трудах Ф. Бэкона, Д. Локка и Д. Юма.

Метафизическая рефлексия

Отвлечённый рассудок использует логику борьбы противостоящих сторон, результатом которой является поглощение одной из них и временное образование целого. Он способен к формулированию и исследованию отвлечённых понятий любого, в том числе трансцендентного уровня, выходящего за пределы возможного опыта. Рассматриваемое им целое имеет косную природу: его части в отличие от органов и клеток в организме, способных реагировать на изменения среды и поддерживать свой гомеостаз, лишены такой субъектности (саморегуляции и адаптации) и строго встроены в порядок целого.

На этом уровне становится возможным и сравнительно успешным исследование не только в области естествознания, но и косной составляющей в явлениях живой природы. Живые сущности (организмы) и их общности имеют материальное тело, на которое распространяются физические законы, которые можно успешно измерять и изучать с помощью отвлечённого рассудка. Но это не распространяется на такие их характеристики как сознание, воля, душа и дух. Поэтому в области наук о человеке и обществе отвлечённый рассудок малопродуктивен, а его прогнозы и планы ошибочны.

Принципы метафизической рефлексии были описаны Р. Декартом, Б. Спинозой и Г. В. Лейбницем. Она особенно отражена и закреплена в аналитических изолирующих языках, где преимущественно используются внешние отчуждённые от слова средства: порядок слов и служебные слова.

Триалектическая рефлексия

Разум живого целого снимает противоположности отвлечённого рассудка путём их согласования в нераздельно-неслиянном единстве живого целого. Части живого целого не могут существовать вне целого, вне связи друг с другом, при этом одновременно чётко функционально выделены и занимают своё специальное место в строе организма. Триалектика не противоположна диалектике, это не новое иное понятие, а означает диалектику в её первичном смысле беседы, т.е. согласования сторон. То, что на уровне двойственного отвлечённого рассудка воспринимается как противоречие (антиномия), здесь выступает как необходимое дополнение, требующееся для построения слаженного целого. Разум устанавливает сущностное родство тезиса и антитезиса в конкретном жизнеспособном синтезе, согласовывает,

органично связывает в триединство (троицу, триаду) как обусловливающие друг друга стороны: материальную форму и идеальное содержание, мышление и бытие, причину и следствие, часть и целое, субъект и объект, Бога и бытие и т. д. На бытие, а следовательно, на природу, общество и человека, как на следствие, наследующее сущность породившей её божественной Первопричины, распространяется принцип её живоначального триединства. Всякое, даже внешне косное целое, предстаёт здесь как результат нераздельного и неслиянного согласования сторон, как несводимая к своим частям троица или триада.

Подготовка к выходу на уровень диалектики живого целого была осуществлена И. Кантом и Ф.В.Й. Шеллингом. Однако по Канту, область соединения противоположностей является ещё запредельной (трансцендентной) «вещью в себе», сферой божественного, недоступной человеческому мышлению. Подлинное «*единство субъекта и объекта, мышления и бытия как необходимый результат диалектики всеобщего единства, определяющего себя к развитию противоположностей, снятие которых обнаруживает истинность конкретного единства*» было выражено Г. В. Ф. Гегелем [5, с. 245]. Триада у него предстаёт в виде универсальной формы всякого процесса развития.

1.2. Основные метафизические подходы рассмотрения вопроса о целом и части

Эмпирический, метафизический и триалектический способы понимания целого и части, выраженные и закреплённые в системном строении и семантике языков, определяют метафизические подходы к решению вопроса целого и части языковых общностей. Основными подходами являются:

- ***меризм*** (принцип элементарности) на основе эмпирической рефлексии;
- ***холизм*** (принцип целостности) на основе метафизической рефлексии;
- ***системный подход*** (принцип структурности) на основе метафизической рефлексии;
- ***органицизм*** (принцип интеграции) на основе триалектической рефлексии;
- ***антиномизм*** (принцип парадоксальности), считающий все подходы правомерными в определённых для них границах.

Правомерность и ценность всех подходов проверены практической деятельностью, поэтому идеи меризма, холизма, антиномизма и особенно системного подхода не потеряли своего научного и практического значения. Эти метафизические подходы давно и подробно описаны в философии [6].

Органицизм как метафизический подход к вопросу о целом и части

Представляется, что основой для выработки новой мировоззренческой парадигмы единого ноосферного космического человечества будущего должен

стать метод органицизма (организмизма). Органицизм является развитием системного подхода в области живых систем. Он истолковывает целое по подобию связного взаимосогласованного (интегрированного) строения живых тел. Единство всего бытия, определённое сходство, совпадение, одинаковость (аналогия, тождество, изоморфизм) всех явлений позволяют условно в определённой мере сопоставить строение всякой рассматриваемой вещи со строением организма, как наиболее совершенного образца системного развития, созданного природой. При этом органицизм не уподобляет целое характеристикам живого тела, но истолковывает сложное целое, исходя из общих принципов организации всех явлений живой природы. Идея органицизма заключается «не в том, что государство подобно организму, а в том, что государство есть организм» [7].

Общим для органицизма и системного подхода является:

- рассмотрение объекта как целостной системы, а не просто суммы частей;
- внимание на взаимосвязях и взаимодействиях между частями системы, которые определяют её свойства и поведение;
- учёт иерархической структуры объектов от простых элементов к сложным образованиям (например, клетки → ткани → органы в органицизме, подсистемы → системы → супрасистемы в системном подходе).
- противодействие демокритовскому редукционизму (сведению сложных явлений к их материальным, физическим элементам и их взаимодействиям).
- противодействие платоническому редукционизму (сведению сложных многообразных изменчивых частных явлений материального мира к обобщающим их вечным, неизменным и универсальным идеям, существующим вне времени и пространства).

Живое системное целое — это всегда конкретный диалектически согласованный синтез элементов, а не их сумма-множество или абстракция ума. Органический метод переносит принципы живой системы на строение всякого сложного целого, прежде всего в социальной и гуманитарной областях. Из частного случай или предшественника органицизм приобретает универсальное широкое самостоятельное значение преемника системного подхода (в смысле содержания, а не области применения). С этой точки зрения системный подход можно рассматривать как абстрактную основу для развития органицизма.

К *общим принципам живых систем,* к которым относится также знаковая система языка, можно отнести следующие:

- неразложимость целого на противопоставленные и отделённые части;
- целесообразность строения целого и его частей;
- взаимосвязанность и согласованность целого и его частей;
- утрата частью, отделённой от целого, свойств, присущих ей в его составе;
- распад и утрата части при отделении от целого;
- утрата полноты свойств и возможный распад целого при утрате части;
- многоуровневость, иерархичность строения целого;

- функциональное многообразие свойств и отношений частей в целом;
- взаимообмен с окружающей средой (метаболизм);
- адаптация к изменениям окружающей среды (гомеостаз);
- самосохранение и воспроизводство неотъемлемых свойств;
- сохранение и передача наследуемого информационного кода;
- рост, производство и развитие новых свойств, форм и др. (эволюция).

В косных системах принципы развивающихся живых систем получают не полное частичное развитие. Такие принципы как волевая целенаправленность, саморазвитие, самоорганизация и саморегуляция в них отсутствуют. Организменная открытая система — это не дополняющая сумма частей, а неразложимое целое, определяющим условием которого является необходимость согласования жизнедеятельности частей и целого на основе обратных связей, внутренних механизмов самоуправления и взаимодействия через язык.

По мнению Лачинова В. М. и Полякова А. О. организменные открытые информационные системы (в т. ч. язык — *А. К.*), имеют набор правил структурной самоорганизации и взаимодействия [8].

1. Правило гармонических шкал (порядок). Любая точка системы строго упорядочена (гармонизирована) в общем строе.

2. Правило структурного отклика (резонанс). На более высоких уровнях системы улавливаются, выделяются и интегрируются отдельные выборки сигналов с нижних этажей. Благодаря этому становится возможным согласование, связь, сцепление (когерентность) частей целого и самоструктурирование новых структур.

3. Правило взаимодополнения (комплементарность). Первые два правила взаимодополняют друг друга.

4. Правило восстановления строения (рекурсивность системообразующих правил).

5. Правило тройки (триада, триединство). Структурно полная система, содержащая три уровня метаструктур, отвергает все «чуждые» тексты и контексты.

Триединство означает наблюдаемое в природе единство многообразия, лад, мир, согласие, нераздельное единство и одновременно неслиянность частей живого целого. Следствием нарушения триединства является рассеяние (диссипация), раздвоение, разъединение, разлад и противопоставление частей, приводящее к косности, безобразию, беспорядку, хаосу.

6. Правило восстановления строения (общесистемная рекурсия). Если произошло “переполнение” третьего высшего уровня системы под воздействием окружающей суперсистемы (контекстной гиперструктуры), но система при этом не разрушилась, то её высший уровень реструктурируется в три уровня с новыми функциями.

Органицизм можно выделить как самостоятельный ценный диалектический подход к вопросу целого и части, обязательный при изучении и прогнозировании явлений живой природы, особенно в области наук о человеке и обществе. Он

диалектически снимает раздвоенность метафизической рефлексии, рассматривающей вещи и явления как неизменные и независимые друг от друга, защищает от механицизма и редукции меризма, от мистицизма и косности холизма, от формализма и схематизма системного подхода. Рассматривает всякое, даже закрытое и не развивающееся, т.е. вполне косное целое не только как нечто большее чем сумма его частей, как несводимое к частям, но и как с ними связанное, зависящее от них. Здесь части и целое обуславливают друг друга. Органичный подход невозможен без разума живого целого (триалектической рефлексии) и связного гибкого синтаксического строя языка [9].

1.3. Первичные метафизические коды понимания строения мира как целого на основе отвлечённого рассудка

Для определения сущности явления методом отвлечённого рассудка (метафизической рефлексии), имеющей линейный причинно-следственный логический порядок, необходимо установить порождающую его причину и обусловливающую его возникновение, существование и развитие среду. Часто такой причиной и одновременно условием выступает большее системное целое в виде обусловливающей его причины, в котором рассматриваемое явление является частью. Для человека такой обусловливающей причиной является языковая общность (народ), являющаяся в свою очередь частью живой природы (биосферы), которая является частью того, что определяется понятием бытия, т.е. всего существующего. «Бытие есть, небытия — вовсе нет» (*Парменид*).

Все явления в природе имеют причину. Двигаясь по причинно-следственной цепи к началу, линейное отвлечённое сознание приходит к идее Первопричины всего проявленного мира. В разных учениях Первопричина принимает всевозможные имена Бога, Творца, Абсолюта, Сущего, Единого, Брахмана, Ахура Мазды, Рода, Плеромы, Первоисточника, Перводвигателя, Первоначала, Дао, Пуруши, Ишвары, Логоса, Нуса и др., а её следствие-проявление именуется бытием, созданием, землёю, материей, Вселенной, космосом, майей, сансарой, Вань Ву, Тянься, пракрити, природой и др. Однако распространение причинной обусловленности всех конечных явлений или процессов природы на бытие как целое — спорно. На ограниченность рассудка в применении принципа причинности к самому бытию, как всему существующему, указывает логический парадокс:

- если у всего есть причина, то и у Первопричины должна быть причина;
- но если у Первопричины есть причина, то она уже не Первопричина;
- если же Первопричина не имеет причины, то нарушается принцип причинности.

Этот и другие парадоксы и слабости человеческого ума показывают, что бытие не описывается полностью с помощью метафизической рефлексии. В этом

смысле его можно считать иррациональным или сверхрациональным. Всевозможные подходы к целому по-разному отвечают на вопрос познаваемости мира. Агностицизм вообще утверждает его непознаваемость. Эмпиризм отвергает достоверность метафизических знаний о сверхчувственных принципах и началах бытия. Антиномизм отказывает в достоверности одного ответа, т.к. признаёт частичную правомерность любых подходов.

Если же признаётся возможным познаваемость мира, то в рамках линейной метафизической рефлексии возможны следующие ответы на вопрос, каковы исходные аксиоматические априорные первичные коды бытия как целого, что является его Первопричиной и как она связана с бытием. Возможные положительные ответы на вопрос познаваемости мира на основе отвлечённого рассудка, указанные ниже, лежат в области методов меризма, холизма и системного подхода.

Первопричины, создавшей бытие, как объективной сущности нет

— *Бытие самопричинно или не нуждается в причине*. Оно вечно и бесконечно. Как понятие всего существующего бытие является само себе Первопричиной. Первопричина изначально неразличимо растворена в бытии. Понятия Первопричины и бытия обозначают одно. Бытие — это данность, не требующая Первопричины Учения: *древнегреческий материализм (атомизм, эпикурейство, частично стоицизм); индийский материализм (Чарвака/Локаята); диалектический материализм (Маркс, Энгельс); механистический материализм; философия науки и натурализм (физикализм, редукционизм).*

• Бытие — процесс дуализма и борьбы вечных независимых сил (света и тьмы и др.). Ни одна из сил не создавала другую. Учения: зороастризм; самкхья (индуизм); в некотором смысле современное люциферианство.

• Бытие — иллюзия (майя, шуньята, пустота и т. п.). Первопричины бытия нет, так как нет бытия как независимой, объективной, действительной сущности. Учения: идеалистический монизм; субъективный идеализм (берклианство); буддизм (махаяна, дзэн); адвайта-веданта; кантианство; теория квантовой гравитации; теория относительности в философской интерпретации, некоторые направления в современной философии сознания и феноменологии.

Первопричина, создавшая бытие, как объективная сущность есть

• *Первопричина трансцендентна (запредельна) к сотворённому ею бытию*. Первопричина сотворила бытие из ничего, т.е. без передачи своей сущности, и находится вне бытия на «небесах», где нет времени и пространства. Истинная ничем не обусловленная сущность Первопричины (Бога) и мнимая сущность тварного бытия противопоставлены, между ними бытийная и познавательная (онтогносеологическая) пропасть. Для её преодоления и спасения бытию

необходимо восстановление связи (ре-лига) с Первопричиной, т.е. Богом, Абсолютом. Учения: *платонизм (особенно неоплатонизм); аристотелизм; классический теизм (авраамические религии: христианство, иудаизм, ислам); даосизм (в нетрадиционных интерпретациях); упанишады и адвайта-веданта*.

• *Первопричина не воздействует на бытие после акта его сотворения*. Они существуют независимо друг от друга как два несводимых друг к другу мира или начала (*дуализм*). После создания бытия и установления в нём законов, Первопричина или Бог далее не вмешивается в его развитие. Учения: *деизм*; *гностицизм* (в некоторых вариантах); некоторые формы *неоплатонизма*; некоторые течения в индуизме (самкхья и некоторые формы махаяны).

• Первопричина включила бытие в себя как часть после акта сотворения. Природа растворилась в Боге. Учения: трансцендентный пантеизм, или панентеизм; философия Шеллинга, некоторые формы христианской мистики (например, Фома Аквинский в интерпретации); неоплатонизм (Плотин).

• *Первопричина и бытие после акта его сотворения слились в одно целое*. При слиянии божественная Первопричина растворилась в созданном ею бытии (природе), внутренне присуща (имманентна) ему и лишилась самостоятельного существования. Учения: *классический пантеизм (учение Спинозы); адвайта-веданта (в традиционном понимании); пантеистические интерпретации даосизма (Дао как всеобъемлющая сила, пронизывающая природу и с ней сливающаяся); поздний гностицизм (пантеистические формы).*

Исходя из рассмотренного выше, видно, что метафизическая рефлексия мечется между дуализмом и монизмом. Попытки снятия фатального искусственного противопоставления бытия и Первопричины (*объективный идеализм, авраамические религии, теизм, деизм*) и восстановления целого в рамках отвлечённого двойственного рассудка вынужденно приводят либо к идеям слияния и поглощения одной из сторон (*пантеизм, панентеизм*), либо к отрицанию самого наличия одной из сторон (*диалектический материализм, люциферианство*), либо к отрицанию подлинной реальности одной из сторон (*субъективный идеализм, буддизм*).

1.4. Первичные метафизические коды понимания строения мира как целого на основе разума живого целого

Применение разума живого целого на основе диалектики всеобщего единства (триалектической рефлексии) и органического подхода (органицизма) снимает искусственное противопоставление отвлечённого рассудка между Первопричиной и её следствием бытием и разрешает его в конкретном живом триединстве совместного живого целого. Данный подход нарушает логику отвлечённого рассудка, одновременно совмещая исключающие друг друга принципы

нераздельности (имманентности друг другу) и неслиянности (трансцендентности друг другу) между причиной и следствием.

Первопричина и её проявление образуют органичное целое

• *Первопричина и бытие взаимообусловливают друг друга в органичном живом триедином целом, которое они совместно образуют*. В живом целом сохраняется одновременно и трансцендентность, и имманентность: Первопричина неслиянна с бытием (трансцендентна к нему) и одновременно нераздельна с бытием (имманентна ему). Принцип нераздельного и неслиянного триединства Отца, Сына и Святого Духа, который признаётся в христианстве сверхрациональной характеристикой сущности лишь Бога и трансцендентного небесного божественного бытия, переносится на проявленное земное живое бытие. Подобно духу, высшему разуму, «умному сердцу» или Я в человеке, божественная Первопричина выступает в виде постоянно одухотворяющего, оживляющего, организующего и связывающего бытие высшего начала. Существующая цивилизационная западная парадигма, опирающаяся на опытный и относительный рассудок, ведёт с учениями данного вида, пронизывающими всю историю человечества, постоянную войну.

Ключевые характеристики таких учений.

• Трансцендентность Первопричины: Бог существует независимо, выше и вне сотворённого мира.

• Имманентность Первопричины: Бог внутренне присутствует в мире, пронизывает и поддерживает его.

• Взаимообусловленность: Бог и бытие взаимно влияют и не существуют в полной изоляции друг от друга.

• Живое триединое целое: Бог, мир и их взаимосвязь формируют динамическое, органичное единство, где сохраняется различие без смешения.

Основные примеры триадологических учений

1. Славянская народная вера.

• Мир воспринимается как одушевлённое живое подвижное единство: земля, вода, леса, небеса — всё населено духами, богами, предками.

• Всё сущее взаимосвязано, существует в ладу и равновесии, поддерживаемом высшими силами.

• В славянских традициях в разных землях и в разное время существовали представления о верховном божестве (Род, Сварог, Перун и др.).

• Род понимается как первоисточник жизни, природы и человеческого рода, творящий и поддерживающий мир.

• Сварог соотносится с небом, огнём, варкой, творением, иногда воспринимается как творец мира (Сварги небесной).

• Высшие божества одновременно и запредельны, трансцендентны (превышают мир Яви, живут на небесах, в ином измерении мира Прави), и внутренне присущи, имманентны миру Яви (их сила проявляется в природных явлениях, жизни людей, через духов и обряды).

• Мир и божества воспринимаются как тесно связанные, но не сливаются в одно, сохраняют различие.

• Между высшим началом и людьми стоят духи предков, природные духи, которые поддерживают связь и взаимодействие между Правью (миром богов) и Явью (миром людей).

2. Неоплатонизм (Плотин и последователи).

• Единое (Первоисточник) — трансцендентно и превосходит бытие.

• Из Единого исходит Эманация, которая проявляется в мире.

• Единое остаётся неслиянным с миром, но одновременно пронизывает и поддерживает его.

• Таким образом, Единое и бытие образуют органичное единство, где взаимное обусловливание сохраняется.

3. Отдельные направления восточнохристианского богословия и католическая томистская традиция на основе неоплатонизма.

• Бог — трансцендентный Творец, который существует вне и выше сотворённого мира.

• В то же время Бог имманентен миру: Он поддерживает бытие, присутствует в нём через Своё действие и присутствие Святого Духа.

• Бог и творение — не тождественны, но органично связаны в живом единстве.

• Пример: учение о Боге как Первопричине и поддерживающей силе бытия (actus purus), где Бог — одновременно и трансцендентен, и имманентен.

4. Каббала (еврейская мистическая традиция).

• Бог (Эйн Соф) — бесконечный и трансцендентный.

• Через сфирот (проявления Божества) Бог проявляется и пребывает в мире, оставаясь одновременно вне и внутри сотворённого бытия.

• Бог и мир связаны в динамическом, живом единстве, где взаимное влияние и обусловленность сохраняются.

5. Некоторые формы индуистской теологии (например, в вайшнавизме).

• Бог (Вишну, Кришна) — трансцендентен миру, но в то же время имманентен в нём через свою энергию (шакти).

• Бог и мир — разные, но неразрывно связанные, взаимно пронизывающие начала.

6. Гегелевская философия Абсолюта.

• Абсолют как процесс (диалектическое развитие): у Гегеля Абсолют — это не статичная сущность, а динамический процесс, живое, самодвижущееся и

самопознающее начало, в котором сохраняется и различие, и единство Первопричины и бытия. Абсолют проявляется и реализует себя через диалектическое движение бытия и мышления.

• Трансцендентность и имманентность: Абсолют одновременно превосходит конечные формы бытия (трансцендентен) и в то же время внутренне присутствует и реализуется в них (имманентен). Мир и сознание — моменты Абсолюта, его самоотражения.

• Органичное единство: Абсолют, природа и дух находятся в живом триединстве, где различие не уничтожается, а становится частью целостного процесса. Первопричина и сотворённое бытие взаимно обусловлены и неслиянны, но нераздельны.

• Триединое целое: в системе Гегеля можно увидеть триаду — Абсолют (Первопричина), природа (материальное бытие) и дух (сознание, разум), которые вместе образуют целостный процесс развития.

Славянская народная вера — сложный комплекс представлений, существующий издревле от возникновения славян вплоть до наших дней, сформировавшийся задолго до христианизации славянских народов и до развития философских знаний. В ней мир воспринимается как живой, одушевлённый, пронизанный духами и божествами. Хотя концепция Первопричины как трансцендентного Абсолюта в строгом философском смысле не была оформлена, тем не менее, в славянской мифологии и верованиях, можно выделить составляющие, в образной форме близкие по смыслу к идеям органичного единства и взаимосвязи между высшим началом и сотворённым бытием.

В диалектике Гегеля на новом более высоком витке развития метода триалектической рефлексии происходит рационализация первобытной идеи славянской народной веры и других естественно развивавшихся учений о живом целом. Вместо линейной модели отвлечённого рассудка «первоисточник → следствие», вместо поиска самосущей Первопричины и установления точки возникновения бытия во времени (библейский рассказ о сотворении мира, теория Большого взрыва около 13 млрд. лет назад) предлагается представление о сложноорганизованном мире как сети взаимосвязанных сущностей, находящихся в отношениях. Понятие пространства понимается как выражение отношений между соседними объектами (явлениями), а понятие времени как последовательности их состояний. Возникновение бытия в точке на шкале времени и пространства превращается в акт, длящийся в вечности и бесконечности. Для определения сущности явления становится необходимым не столько выяснение обусловливающей его причины, сколько понимание его взаимосвязей и отношений в общем целом.

Основные метафизические подходы можно представить в виде таблицы 1.

Табл. 1

Типология основных первичных кодов метафизики бытия

Метод	Целое и часть	Первопричина (Бог, Абсолют)	Бытие	Положение Первопричины	Учения
Опытный рассудок	Подход не определен	Понятие не сформировано	Проявление сил и духов	Мифологично	Мифология древних племён. Анимализм. Ранний буддизм. Языческое многобожие.
	Меризм	Вне опытного рационального знания	Определено законами	Вне опытного рационального знания	Атеизм. Материализм. Агностицизм. Прагматизм. Позитивизм. Эмпиризм. Скептицизм.
Отвлечённый рассудок	Субъективный подход	Продукт сознания. Объективно не существует.	Иллюзия. Пустота	Субъективное понимание	Субъективный идеализм. Кантианство и неокантианство. Феноменология. Конструктивизм. Направления в постмодернизме и постструктурализме. Махаяна-буддизм. Поздний буддизм. Дзен-буддизм. Панпсихизм. Философия сознания.
	Холизм	Абсолют, Бог.	Бытие сотворено Богом	Трансцендентна к бытию	Объективный идеализм. Деизм. Платонизм и неоплатонизм. Аристотелизм. Классический теизм (авраамические религии). Средневековая схоластика. Нетрадиционный даосизм. Упанишады. Адвайта-веданта.
	Дуализм	Нет	Взаимодействие и борьба двух сил	—	Зороастризм. Манихейство. Направления гностицизма. Самкхья (индуизм). Даосизм (инь-ян). Древнеегипетская мифология (Осирис и Сет). Люциферианство
	Сочетание холизма, меризма и скрытого органицизма	Была до растворения в бытии	Бытие сотворено Богом	Растворена в бытии	Пантеизм. Шактизм в индуизме. Некоторые мистические учения индуизме, буддизме и даосизме.
		Самосущий развивающийся Бог	Бытие сотворено Богом	Бытие — часть Бога, растворено в нём	Панентеизм. Течения гностицизма. Формы индуизма (шактизм и тантризм). Направления пантеистического мистицизма. Герменевтический и процессуальный пантеизм.
	Системологизм	Слита с бытием	Бытие вечно и бесконечно	Бытие существует само по себе, самопричинно	Диалектический материализм. Пантеизм Спинозы. Некоторые формы неоплатонизма (Плотин и последователи). Даосизм (в классическом понимании).
Разум живого целого	Органицизм	Бог, абсолютный дух, источник и цель бытия	Бытие — плод развития абсолютного духа	Нераздельно-неслиянное триединство	Славянская народная вера. Неоплатонизм (Плотин, Прокл). Направления восточного христианства. Томизм на основе неоплатонизма. Каббала. Направления индуизма (вайшнавизм). Суфизм. Даосизм (Саньцяо — три сокровища). Индуизм (Тримурти). Гегельянство. Органицизм.

2. Язык народа как средство познания метафизического строения целого

Языковая общность (народ) образована языком, связывающим её в целое. Язык возникает одновременно с языковой общностью, закрепляя в своей неповторимой знаковой системе особенности национального духа, сознания и бытия. Строение языка — зримое проявление модели мировидения народа. Строение или структура языка — совокупность всех его тесно взаимосвязанных уровней от азбуки (алфавита) до плетения текста: синтаксиса и фразеологии, морфологии, морфемики и лексикологии, графемики, фонологии и фонетики.

Синтаксис, включая *фразеологию*, исследующую словосочетания или фразы, — раздел грамматики, изучающий правила и принципы словосочетаний, предложений и более крупных построений из слов и словосочетаний. Характеристики синтаксического строя определяются характеристиками на более низком уровне лексикологии и морфологии.

Лексикология изучает словарный состав языка, то есть все слова и устойчивые словосочетания, их значение, происхождение, строение и функционирование в речи. *Морфология*, включая *морфемику*, исследующую морфемы (минимальные значимые части слова), — раздел грамматики, изучающий строение слова и морфемы. Характеристики морфологии и лексикологии связаны с характеристиками строения языка на начальном уровне, который относится к графемике, фонологии и фонетике.

Графемика изучает структуру письменных знаков. *Фонология* исследует фонемы или абстрактные минимальные значимые единицы языка, служащие для различения значений слов на звуковом уровне и систему фонем. *Фонетика* изучает конкретные звуки речи или варианты произношения (аллофоны) фонем.

Система языка состоит из трёх разделов синтактики, семантики и прагматики.

- Синтактика — часть синтаксиса, включающая формальные отношения между знаками (правила их сочетания, структура, порядок). Здесь исследуется, как знаки организованы и связаны друг с другом без учета их смысла и использования.
- Семантика — отношения между знаками и их значениями (смыслом).
- Прагматика — отношения между знаками и их пользователями, контекстом, ситуацией использования.

> «Синтаксис определяет правила образования выражений языка и их преобразования, семантика является множеством правил придания значений выражениям языка. Каждый язык имеет также прагматику, определяющую отношение между ним и теми, кто использует его для общения и познания» [10].

Если семантический состав носит подвижный характер, т.к. идёт постоянный обмен в виде заимствования иностранных слов и выражений, а с другой стороны, происходит утрата мало используемых и устаревших, то строение сложившейся

грамматической системы, как прочный «скелет» языка, изменяется значительно более медленно. Однако изменения на всех уровнях строения языка также идут постоянно, что даёт возможность языковой общности для приспособления к новым условиям.

Характеристики строения и смыслового словарного состава языков отражают всё многообразие существующих метафизических подходов и представлений. В мире насчитывается около 7 тысяч языков. На основании важных различий естественные языки народов мира разделены на 420 языковых семей и дополнительно на более 100 отдельных самостоятельных видов, состоящих лишь из одного языка (изолята). Ещё более 100 языков пока не удалось определить по их принадлежности к какой-либо семье, либо окончательно отнести к изолятам. Итого выявлено более 620 явно не сводимых друг к другу способов построения и выражения мысли [11]. В действительности все языки мира, даже отнесённые к одним семьям, имеют серьёзные различия в строении и смысловом содержании, которые могут быть основополагающими, важнейшими, как в случае русского и английского языков, принадлежащих к одной индоевропейской семье.

2.1. Сходства и различия в семантическом составе языков народов мира

Понятия, не заимствованные из иных языков, определены мировидением и миропониманием самой языковой общности (народа). В зависимости от присущих ему духа, сознания, жизненного опыта, условий бытия он по-своему членит на отдельные смысловые значения поток ощущений из окружающего мира, присваивая схожим с его точки зрения повторяющимся явлениям (предметам, вещам) словесное наименование. Количественное и качественное богатство различий смыслового (семантического) состава языков наглядно отражено в национальных толковых словарях. Хотя в родственных и взаимосвязанных языках можно найти соответствие между словарными значениями, полученные в XX веке данные, согласно мнению языковеда А. Вежбицкой, дают основание полагать, что выявленный набор общих понятий, входящих в словари всех живых языков мира, состоит лишь из 52-х первичных смыслов (семантических примитивов) [12].

- *субстантивы*: я, ты, некто, нечто, люди;
- *детерминаторы, кванторы*: это, тот же, другой, один, два, несколько/немного, много/многие, мало, весь/все;
- *ментальные предикаты*: думать, хотеть, знать, чувствовать, видеть, слышать;
- *речь*: сказать;
- *действия, события, движение*: делать, произойти/случиться, двигаться;
- *существование, жизнь*: есть (имеется), жить;
- *оценки*: хороший, плохой;
- *дескрипторы*: большой, маленький;

- *интенсификаторы*: очень, больше;
- *пространство*: где, сторона, внутри, далеко, близко, выше/ над, ниже/под;
- *время*: когда, после, до, долго, недолго, некоторое время;
- *таксономия*, *партономия*: вид/разновидность, часть;
- *сходство*: вроде/как;
- связки между частями сложного предложения: если, если бы, потому что/из-за;
- метапредикат: мочь».

На этом общее семантическое сходство всех языков мира заканчивается. Каждый язык имеет свой набор понятий, отражающих особое мировидение народа. На деле это, например, означает, что все (!) существительные кроме *я, ты, некто, нечто, люди, вид/разновидность, часть*, используемые в данной статье, не имеют словесного выражения и не представлены как минимум в одном толковом словаре какого-то языка.

Исследование происхождения и смыслового значения родных корней и образованных от них однокоренных слов может очень много дать для понимания метафизики языка, но не является задачей данной статьи.

2.2. Сходства и различия в строении языков народов мира

Не меньшее и более важное для метафизической характеристики разнообразие наблюдается в строении языков, прежде всего в их синтаксисе, т.е. сочетании способов указания отношений и связей, с помощью которых отдельные понятия в виде слов и словосочетаний объединяются в предложение, служащее задаче выражения мысли. В схематической знаковой форме синтаксиса отражается понимание метафизического устройства мира. Строение языка, согласно с которым значения (слова) играют определённую роль, то, как они управляются, связаны и согласованы между собой, показывает, как языковая общность решает вопрос о целом и части, как она понимает устройство мироздания как целого, как представляет отношения, связи, действия, назначения явлений и вещей в природе, в том числе положение человека в обществе и государстве, образ будущего и образец единого человечества. Метафизические особенности мировидения проявляются на всех уровнях строения языка от произношения отдельных звуков до речей, от написания букв до плетения текста. Однако наиболее отчётливо они характеризуют типичные характеристики синтаксического строя, определяемые по основному способу соединения значащих знаменательных частей слова (морфем).

Языки разделяются на два класса — аналитические и синтетические — по основному способу синтаксических показателей, дополняющих словарное значение слова и указывающие на его место и значение в строе предложения.

Аналитические способы. Внешние показатели, вынесены из слова:

- порядок слов;
- служебные слова: предлоги, союзы, вспомогательные глаголы, артикли и др.

Синтетические способы.

1. Показатели, соединены со словом:

- изменяемое многозначное окончание в конце слова (флексия);
- несколько неизменяемых однозначных добавлений в конце слова (агглютинация);
- вставка гласных в корень, состоящий из согласных (трансфикс);
- приставка перед корнем слова (префикс);
- изменение основы слова (супплетивизм);
- чередование звуков в корне слова (внутренняя флексия);
- вставка в корень для образования форм глагола (инфикс).
- вставка после корня слова (суффикс);

2. Показатели соединены с неразрывными словом-предложением или словосочетанием:

- включение части в неразрывное словосочетание (инкорпорация);
- включение члена в неразрывное слово-предложение (инкорпорация).
- вставка служебных морфем в неразрывное слово-предложение или словосочетание (аффиксация).

Табл. 2

Типология языков по основному показателю синтаксических значений для построения предложения

Класс	**Аналитические языки** Способы вынесены из слова		**Синтетические языки** Способы соединены со словом, с неразрывным словосочетанием или с неразрывным слово-предложением			
Основные показатели	Порядок слов, служебные слова	Порядок слов, служебные слова, словоизменение (низкий уровень)	Изменение слова-предложения или слова-сочетания	Добавления в слово, (агглютинаты, несущие каждое одно значение)	Вставка гласных в корень (трансфикс, несущий все значения).	Изменение значимой части слова (флексии, несущей все значения)
Тип	***Изолирующий тип***	***Аналитический тип***	***Полисинтетический тип***	***Агглютинативный тип***	***Корне-вадратный тип***	***Флективный тип***
Типичные языки и число их носителей (родной и второй)	*китайский* — 1 млрд, *вьетнамский* — 86 млн, *тайский* — 20 млн и др.	*английский* — 1,5 млрд, *французский* — 300 млн, *испанский* — 580 млн и др.	*инуктитут* — 35 тыс., *навахо* — 170 тыс., *гренландский* — 57 тыс. и др	*турецкий* — 80 млн, *японский* — 125 млн, *корейский* — 80 млн и др.	*арабский* — 310 млн, *иврит* — 9 млн, *амхарский* — 33 млн и др.	*русский* — 258 млн, *польский* — 45 млн, *украинский* — 45 млн и др.

Так как супплетивизм, внутренняя флексия и инфикс являются редкими второстепенными способами, а префиксы и суффиксы преимущественно изменяют лишь словарное значение понятия, эти способы обычно не используются в сравнительной типологии строения языков. С учётом того, что строй любого языка представляет сложное неповторимое сочетание шести основных типов, по основным показателям типологию языков мира можно упрощённо представить в виде таблицы 2.

3. Взаимосвязь метафизического подхода (метода) и синтаксиса его выражения (логии)

Разнообразие типологии строения языков создает как уникальные возможности, так и ограничения для выражения идей и концепций. Бессознательные императивные метафизические установки языковой общности отливаются и застывают в синтаксическом системном строе её языка. Связь между применяемыми методом и логией (от греч. *logos* — слово, учение) не имеет прямого соответствия, но является следствием присущих для языковой общности принципов мышления. Специалистами по этнолингвистике высказывается мнение о том, что синтаксис является формой отражения особенностей этнокультурного сознания, а предложение и его синтаксические категории выявляют специфику мировоззрения и мировосприятия нации [13].

Способ соединения морфем, типичный для того или иного языка, показывает на то, как общность отвечает на вопрос о целом и части. Язык служит не только средством общения, но и инструментом, отражающим и поддерживающим социальные структуры, нормы и идентичности. Особенности культуры этноса часто передаются именно при помощи предложения, его структуры и конституирующих его признаков [14, с. 497].

Каждому языковому типу присущи свои качественно особые слабо или вообще не осознаваемые когнитивные начала, во многом определяющие формы мышления, сознания и бытия языковой общности.

3.1. Класс аналитических языков

Аналитические языки — типологический класс языков, в которых преобладают аналитические формы выражения синтаксических отношений в предложении. Языки аналитического класса разделяются на языки изолирующего типа без морфологии (аморфные) и языки аналитического типа с низким уровнем морфологии. Так как все языки аналитического класса не имеют развитой морфологической изменчивости слова, они в широком смысле без исключения относятся к изолирующим.

3.1.1. Изолирующие языки

К изолирующему типу относятся *китайский, вьетнамский, тай-кадайские (тайский, лаосский и др.), бирманский, кхмерский, сингапурский малайский, аканский (напр., тви), индонезийский, тагальский, джакартский малайский* и некоторые *австроазиатские* (особенно *мон-кхмерские*) языки. Носители этих языков составляют ~16 % (1200–1300 млн) человечества.

Синтаксический строй

Типичными языками являются китайский, вьетнамский, тайский, кхмерский, эве (в Африке). Другие кандидаты: *бирманский* (близок к китайскому), *креольские* языки (напр., гаитянский), *английский* (частично изолирующий, но не чистый пример). Изолирующие «аморфные» языки — часть (подкатегория) аналитических языков с нулевой или близкой к нулю морфологической изменчивостью. Один корень равен одному значению (минимум сложных морфем). Слова обычно состоят из одной значимой части (морфемы) и остаются неизменными независимо от их грамматической роли: не изменяются по падежам, числам, временам, роду и полу (нет спряжения/склонения). Глаголы не изменяются по лицам и числам и не имеют системы видов (совершенный и несовершенный), указывающей на завершенность или незавершенность действия. Местоимения не изменяются по падежам ("я", "меня", "мной"), и используются фиксированные формы, такие как "我" (я) и "我自己" (я сам). Нет уменьшительно-ласкательных форм для выражения нежности или близости. Конструкция с частицей "бы для выражения желания, возможности или предположения, не имеет прямого аналога. И т.д.

Для выражения грамматических значений и отношений (множественного числа существительных, форм вежливого обращения, отрицания и др.) могут использовать служебные слова, словосочетания, частицы, строгий порядок построения, контекст, интонация (тональность), мимика и жесты. В языках изолирующего строя невозможна передача в чистом виде эргативной, эргативно-абсолютивной, директной и эргативно-аккузативной стратегий отношений между участниками действия (глагольными актантами). В сравнении с английским языком сложные предложные конструкции менее распространены, структура вопросов менее гибкая, а порядок слов более фиксированный.

Коллективное бессознательное и мышление

В изолирующих языках внимание сосредоточено на универсальном значении слова-понятия. Этим он противоположны флективному русскому языку с наибольшей морфологической изменчивостью, в котором благодаря сложной системе падежей внимание сосредоточено на отношениях, связях, месте и роли слов-понятий в предложении. В иероглифическом языке концепция и идея главенствуют над звучанием в отличие от языков, где буквенный символ определяет прочтение и произношение. Многочисленные народы Китая, говорящие на разных

языках, способны понимать друг друга, т.к. иероглифы указывают на значение слов-понятий, а не на их произношение. Мышление носителей изолирующих языков, в целом более зависит от контекста (важен порядок и тон, а не форма слова), зрительно-образное (из-за иероглифики и конкретной лексики), гибкое в категоризации понятий (меньше строгих грамматических правил для их определения).

В китайском нет грамматического времени — временные рамки задаются контекстом или частицами (напр. в кит., "了" — "le" для завершённости действия). Имеются данные, что носители таких языков чаще думают о времени вертикально (прошлое = "верх", будущее = "низ"), тогда как русские или англичане — горизонтально. В том числе китайском языке ет отчётливых фиксированных членов предложения и частей речи как в русском языке. В том числе китайском языке нет глагола как фиксированной части речи, показывающей состояния и действия во времени. Следовательно, нет развитой системы аспектов времени, нет грамматических времён. Это отражает философию, что время — это течение, цикл, а не фиксированная категория (我吃饭 может означать «я ем», «я ел», «я буду есть»). Поэтому вместо научного линейного причинно-следственного прогнозирования использовалось гадание на 64 гексаграммах. В даосизме время рассматривается как проявление до конца непостижимого «Дао» (путь, принцип, истина), которое течёт свободно и непрерывно. Иероглиф Дао 道 составлен из «идти» (辶), и «голова» (首) и означает осознанное следование принципам природы. Это не линия, по которой западноевропеец рационально достигает своей цели, а набор циклично повторяющихся образцов.

> «Показательно отсутствие в классическом китайском языке глагола «быть» в значении существования. Там, где европейские языки используют конструкцию «X есть Y», китайский оперирует понятием «X имеет свойство Y» или просто ставит характеристику рядом с объектом. Такая языковая особенность отражает процессуальное мировосприятие: мир представляется не набором статичных сущностей, а потоком постоянных изменений.» [15]

Пространство также рассматривается не как отдельная от вещей категория (как в западных языках), не как пустота, имеющая три измерения, а как живое существо, наполненное энергией (ци). Пространственные отношения в китайском языке часто выражаются глаголами (напр., *"上"* (shàng) — "подниматься/находиться на"), что влияет на более подвижное восприятие пространства.

Отсутствие у слова грамматических морфологических категорий способствует прямому и простому выражению идей в лаконичной, символической, метафорической и образной форме. Абстракции передаются сочетанием конкретных понятий — вместо "счастье" китайцы скажут gāoxìng *"高兴"* — "быть радостным". Во вьетнамском "свобода" — *"tự do"* означает буквально "сам + идти". В китайской поэзии метафоры строятся на конкретных образах: "тоска — как река". Это затрудняет абстрактно-философский тип мышления, способствуя его

конкретности, образности и практической ориентации (东西 — понятие «вещь» образовано из иероглифов «восток» и «запад»). Сложно упорядоченный строгий абстрактный категориальный терминологический аппарат философии и естествознания на основе флективных языков (латынь, немецкий, русский и др.) не мог возникнуть на базе языков изолирующего строя. Поэтому способы мышления (эмпирическая, метафизическая и триадологическая рефлексии) и ключевые концепции понимания целого (меризм, холизм, системный подход, органицизм), из-за недостаточно строгого абстрактного аппарата используются латентно и неотчётливо.

В китайском нет обязательного разделения на исчисляемые/неисчисляемые (countable/uncountable). Это может вести к более гибкому восприятию (категоризации) объектов: например, граница между "одним предметом" и "множеством" размыта (например, в китайском *"三本书"* — "три книги" буквально "три + книга"). Это влияет на более гибкое восприятие количества и тождества.

Часто опускаются союзы (типа "потому что"), что может отражаться в менее линейном построении аргументов: в китайской речи чаще используется сравнение по сходству, подобию (аналогия), а не умозаключение (силлогизм), как в европейской традиции).

Китайцы не разделяют мир на субъекты и объекты, как западноевропейцы. Всё в мироздании взаимосвязано и находится в постоянном изменении. Из-за отсутствия в языке чёткого грамматического разделения между субъектом и объектом китайскому мышлению в понятийно неоформленном виде свойственен естественный органический подход (我喜欢— буквально «я нравиться», где нет явного объекта). Носители английского лучше запоминают кто что сделал (акцент на агенте), а носители майя (изолирующий язык) — само событие.

Плавность грамматических категорий, выражаемых через контекст, порядок слов и интонацию, способствует взгляду на мир как на непрерывный поток, где границы явлений размытые и определяются по обстановке. Точное и ясное выражение мыслей через жёсткий порядок слов и чёткую структуру отражает представление о мире как гармоничном и упорядоченном единстве. Использование тонов в языках способствует вниманию к тонким различиям и оттенкам, характерным для восточной философии, где важны малейшие изменения и соотношения. Важность окружающей обстановки, а не внутренних форм, для выражения грамматических значений отражает идею взаимозависимости и контекстуальности смысла, характерную для восточных культур, в которых значение меняется в зависимости от ситуации и отношений.

Особенности коллективного бессознательного и мышления привели к укоренению идей даосизма, конфуцианства и буддизма. Исходные философские и метафизические смыслы глубоко встроены в языковую систему и используются в ней неосознанно. Гармония и баланс с миром достигаются следованием по пути Дао (даосизм) или законам Неба (конфуцианство) не через активные усилия, а через

действие в согласии с естественным течением событий, с природным порядком вещей. Мир изолирующих языков — это находящееся в постоянном движении, взаимосвязанное и зависящее от происходящего единство, воспринимаемое через призму даосской гибкости, конфуцианского порядка и буддийского спокойствия. В нём получили развитие в метафорических образах идеи даосизма и конфуцианства о необходимости согласования и гармонизации индивидуальных действий как подчинения космическому порядку, образованному борьбой и единством противоположных, но взаимодополняющих сил Инь и Ян (阴). Триада Инь, Ян и Ци позволяет объяснять сложные явления и взаимодействия в природе и обществе. Фраза («无中生有» — «из ничего рождается нечто») описывает состояние перехода между противоположностями — пустотой и наполненностью, отсутствием и присутствием. В ней заложена циклическая природа реальности, где противоположности не противостоят, а дополняют друг друга. Как инь содержит зерно ян, так и в пустоте (无) уже содержится потенциал существования (有). Многие общеупотребительные обобщённые слова и выражения китайского языка строятся на соединении противоположных или взаимодополняющих понятий:

买卖 — «торговля», буквально «покупать-продавать»;

上下 — «вертикальное положение», буквально «верх-низ»;

多少 — «сколько», буквально «много-мало»;

进出 — «движение», буквально «входить-выходить» [15].

Двойная структура отражает мировоззрение, где явления рассматриваются не изолированно, а в их динамическом взаимодействии. Сложные слова не просто объединяют противоположности — они создают в соответствии с принципом взаимопроникновения инь и ян новое содержание, превосходящее сумму частей.

Принцип инь-ян проявляется также в звуковой организации китайского языка. Чередование восходящих и нисходящих тонов создает мелодическую волну, отражающую чередование противоположных энергий. Четыре тона мандаринского диалекта можно рассматривать как воспроизведение фаз цикла инь-ян: состояние равновесия, переход от инь к ян, трансформацию энергий, переход от ян к инь.

Традиционная китайская проза и поэзия часто выстраиваются на основе параллелизма (принцип инь-ян), где две фразы со сходной структурой противопоставляются или дополняют друг друга, создавая баланс формы и содержания. Концепция инь-ян встроена в фразеологизмы и пословицы, формирующие мировоззрение носителей языка:

否极泰来 — «После крайней точки несчастья приходит удача»;

乐极生悲 — «Крайняя радость порождает печаль»;

В отличие от западных языков, где понятия стремятся к абсолютизации, двойственная модель в повседневной речи китайцев проявляется в особой чувствительности к обстановке, отношениям, взаимозависимости. Соотношение понятий добра и зла выражается не как между абсолютными моральными

категориями, а согласно определённой обстановке: «善恶是相对的» — «добро и зло относительны».

Даосский принцип недеяния и естественного течения событий проявляется в смещении внимания с активного деятеля на процесс. Местоимения и подлежащие часто опускаются, если они очевидны из контекста, что создает ощущение растворения индивидуального «я» в процессе. Действия описываются как естественно происходящие, а не являющимся результатом чьей-то воли. В предложениях часто используются пассивные конструкции и безличные формы. Даосская идея естественного и ненасильственного действия «У-вэй» (无 为) отражена в множестве китайских выражений:

顺其自然 — «следовать естественному ходу вещей»;

无为而治 — «управлять, не вмешиваясь»;

水到渠成 — «когда вода приходит, канал формируется сам».

Буддийские влияния на язык проявляются в представлениях о страдании, освобождении и непостоянстве. Выражение «放下» — «отпустить» — изначально буддийское понятие отречения от привязанностей, стало распространенным советом для преодоления эмоциональных проблем и стресса.

Конфуцианство сосредоточено на социальной иерархии, взаимоотношениях и этикете, важности соблюдения ритуала как средства поддержания социальной гармонии и порядка. Эти ценности пронизывают повседневную речь:

孝顺 — «сыновняя почтительность и послушание»;

尊师重道 — «уважать учителя и ценить его наставления»;

仁义礼智信 — «человеколюбие, справедливость, ритуал, мудрость, доверие» (пять основных конфуцианских добродетелей) .

Идея социальной иерархии напрямую отразилась в множестве вариантов названия «я», «ты» и «вы» в зависимости от статуса говорящих и ситуации общения. В деловых и дипломатических выражениях проявляется конфуцианский концепт « 中庸» «золотой середины» или «срединного пути». Популярное в бизнес-среде выражение «双赢» — «обоюдный выигрыш» — отражает стремление к взаимной уступке и учёту интересов, а не к свойственной для западного подхода конкуренции с единственным победителем. Даосский принцип естественности «自 然» трансформировался в современный подход к экологии, устойчивому развитию и психологическому благополучию:

自然疗法 — «натуропатия», холистический подход к лечению;

自 然 流 产 — «самопроизвольный аборт», буквально «естественное прерывание беременности»;

随 其 自 然 — «пусть всё идёт своим чередом» (популярная фраза в психологических тренингах) [15].

В отличие от западной модели общения, направленной на прямоту и ясность высказываний, китайский стиль на основе конфуцианской этики характеризуется

непрямым выражением критики и несогласия, использованием многозначных фраз, требующих истолкования, важностью сохранения гармонии отношений над выражением личного мнения, обилием намёков, подтекстов и недосказанностей. Вместо прямого отказа «不，我不能做» — «Нет, я не могу это сделать», китаец, сохраняя лицо собеседника, скорее скажет: «这个有点儿难» — «Это немного сложно» или «我需要考虑一下» — «Мне нужно подумать» [15].

Удачной представляется связь идей конфуцианства и марксизма после основания КНР в 1949 году и в связи с реформами Дэн Сяопина. Эти учения объединяют идеи коллективизма, общественного блага, социальной гармонии, справедливого бесклассового общества. Уважение к социальной иерархии и авторитету власти в конфуцианстве стало опорой для Компартии как авангарду и руководящей силе общества. Конфуцианская идея правителя-философа созвучна роли партийного руководства как «морального» и «ответственного» лидера.

Социальные представления и образ глобального будущего

В жизни традиционного «азиатского общества» особенности синтаксиса находят отражение в четкой иерархии, основанной на семейных, клановых отношениях и на месте в государственном аппарате. Социальный статус и характеристики не являются свойствами самого человека, а определяются его местом в иерархии, служебным положением в семье, предприятии, обществе, государстве. Распространены коллективизм и уважение к традициям, семейным узам и ценностям, к предкам, к статусу в иерархии. Наблюдается стремление сохранить своё древнее культурное наследие и национальную идентичность.

«Социализм с китайской спецификой» является достаточно успешным опытом сочетания классических марксистских принципов с традиционными конфуцианским ценностями коллективизма, уважения к иерархии и гармонии, партийного контроля и государственного планирования с рыночными механизмами и глобальной интеграцией. Власть в Китае традиционно сосредоточена в руках "Сына Неба" в виде императора или председателя. Концепция «Китайская мечта», провозглашённая Си Цзиньпином, связывает социалистическое развитие с национальным процветанием и сильным государством. В наше время особенности традиционного менталитета выражаются в естественном принятии большинством населения социального рейтинга и цифрового контроля.

План глобализации с центром в Китае «Один пояс — один путь», опирающийся на марксизм и идеи традиционной китайской философии, имеет практический характер и направлен на создание транспортных коридоров, торговых путей и экономических зон. Его цель — продвижение концепции «Сообщество единой судьбы человечества», основанной на взаимном уважении, усилении экономической интеграции, развитии взаимовыгодного сотрудничества, создании новой системы глобального устойчивого развития.

3.1.2. Аналитические языки

К аналитическому основному типу относятся все остальные языки аналитического строя, в отличие от изолирующих имеющие низкий уровень морфологической изменчивости. Это большинство *западноевропейских языков*, включая *все живые германские языки* кроме *немецкого и исландского* (*английский*, шотландский, фризский, *шведский, норвежский, датский, нидерландский, фарерский, африкаанс, идиш и др.*), *все романские языки* (*испанский, арагонский, французский, валлонский, итальянский, португальский, румынский, молдавский и многие др.*), а также *новогреческий, филиппинский* (*тагалог*), *сингальский, хауса, японский, новоперсидский, малайско-полинезийские, болгарский* и др. языки. Носители этих языков составляют ~ 44 % (2800–3200 млн) человечества.

Синтаксический строй

Типичными аналитическими языками являются английский, французский, испанский, африкаанс. В отличие от изолирующих, тоже аналитических языков, в которых отсутствует или близка к нулю морфология в слове, в них словоизменение (слабая флексия) используется шире, но оно играет лишь вспомогательную роль. Порядок слов строгий и фиксированный, обычно SVO (подлежащее — сказуемое — дополнение). Для выражения времени, наклонения, залога и других грамматических значений используются вспомогательные глаголы и частицы. Падежные окончания в большинстве случаев (за исключением местоимений) отсутствуют. Вопросительные и отрицательные формы и временные конструкции строятся с помощью вспомогательных глаголов.

Общее в этнокультурном сознании народов, говорящих на изолирующих и аналитических языках, обусловлено сходством этих типов, грамматические отношения в которых выражаются преимущественно не через изменение слов (падежи, спряжения), а с помощью служебных частиц и слов (артиклей, предлогов, вспомогательных глаголов) и порядка слов. Например, в английском *«The cat eats the fish» ≠ «The fish eats the cat»* — «Кошка ест рыбу» ≠ «Рыба ест кошку». В обеих группах большое значение для выражения мысли также имеют контекст, интонация, паузы, ритм, жесты и мимика. В связи с этим эти два типа часто объединяют в один тип изолирующих аналитических языков. Поэтому, несмотря на большие различия, народы, говорящие на аналитических и изолирующих языках, могут найти взаимопонимание, т.к. опираются на один схожий языковой и логический код.

В наиболее типичном аналитическом английском языке, как и в любом ином, существуют определённые стратегии и конструкции, которые менее распространены, вообще отсутствуют или не имеют подобия в чистом виде по сравнению с другими языками. В сравнении с русским языком в нём ограничены сложные системы падежей (например, "he" vs. "him"), поэтому различные нюансы действия могут быть переданы только контекстом. Формы множественного числа стандартизированы и недостаточно разнообразны. Нет согласования

прилагательного по роду существительного, и согласование происходит только в ограниченной степени (например, "his" и "her"). Порядок слов в целом фиксированный, что ограничивает возможности для стилистических изменений. Нет совершенного и несовершенного видов глаголов, указывающих на завершённость или незавершённость действия. Нет развитого употребления уменьшительно-ласкательных форм для выражения нежности или близости. Не используются инфинитивные конструкции с частицей "бы" для выражения желания, возможности или предположения. Слабая морфология не позволяет создавать сложные предложения с использованием множества союзов и конструкций, как в русском языке («*Я знаю, что он придет, если погода будет хорошей*»).

Коллективное бессознательное и мышление

Аналитическое строение синтаксиса способствует последовательности и рациональности мышления, приводит к необходимости анализа, способствует чёткости, жёсткости структуры. Способствует с одной стороны более универсальному, ясному, точному и логичному, но с другой более упрощённому восприятию метафизических идей и категорий, таких как пространство, время и сущность. Содействует эмпирическим номиналистическим взглядам, согласно которым слова, обозначающие общие понятия (напр., народ, родина), не выражают собою действительных предметов, а существуют только в мышлении. Целое обычно понимается как сумма частей или множество. Ключевой логической операцией является причисление вещи к множеству.

Так как в аналитическом предложении главным членом является подлежащее, о свойствах, состояниях, действиях которого повествуется, то носители английского лучше запоминают, кто сделал действие, а не само событие или действие.

Основные способы мышления, используемые в аналитических языках, — эмпирическая и преимущественно метафизическая рефлексии. Основные подходы к вопросу о целом и части — меризм, холизм, системный подход. Строгий отвлечённый рассудок, не допускающий живого синтеза антиномий, диктует необходимость выбора между противоположными подходами: материализмом и идеализмом, механицизмом и витализмом, рационализмом и мистицизмом, плюрализмом и монизмом и т. д. Раздвоенная метафизическая рефлексия как борьба частного (меризм) и противоположного ему целостного (холизм) подходов приводит к двум видам редукционизма. Либо к материалистическому упрощению (демокритовскому редукционизму), т.е. объяснению системно более высоких и сложных явлений с помощью законов, свойственных более низким и простым явлениям, вплоть до механицизма, объясняющего развитие живой природы и общества законами механической формы движения материи. Либо к отчаянию разума, к религиозному идеалистическому отказу от рационального познания (платоническому редукционизму, мистицизму, витализму).

Свойства и отношения слова, выражающего субъект, объект, явление, вещь, определены строгими внешними средствами, которые способствуют ясности,

логичности, порядку, иерархичности, субординации, важности статуса, требуют структурной чёткости. Аналитический строй позволяет создавать сложные синтаксические конструкции для выражения глубоких и многослойный идей. Слабость морфологических изменений слов приводит к их более универсальному словарному однозначному пониманию, к созданию более общих и ясных метафизических категорий, к упрощению и чёткости идей, что позволило сформировать универсальные философские и научные традиции на основе логического анализа.

В западной науке и философии пространство рассматривается с разных позиций: от абсолютного у Ньютона до относительного у Лейбница, от априорной формы восприятия у Канта до феноменологического опыта у Гуссерля. Подход к категориям времени и пространства, занимающим центральное место в западноевропейской философии, науке и культуре, определяется дуальной метафизической рефлексией. Он мечется между рассмотрением их как объективных независимых неизменных и абсолютных категорий (И. Ньютон); как субъективных, не существующих отдельно от движущихся материальных объектов (Аристотель); как связанных с человеческим существованием, с восприятием через опыт и взаимодействие с миром (М. Хайдеггер, Мерло-Понти); как единой структуры пространства-времени, в которой время может замедляться или убыстряться в зависимости от скорости движения объекта и гравитационных полей (А. Эйнштейн).

Русское понятие «действительность», образованное от глагола «действовать», на английский язык обычно переводится как *reality,* т.е. нечто объективное, а не действующее, либо как *truth* — истинное, т.е. соответствующее фактам. Если синтетический синтаксис делает слово-значение деятельной частью целого, то аналитический помещает слово во внешние условия, где строгий порядок и служебные слова, определяют его положение и роль. Это приводит к восприятию категорий времени и пространства как внешних условий, независимых от предмета. Понимание времени как самостоятельной линейной категории требует, чтобы любое действие было строго определено во времени: прошлое не размыто, а будущее чётко отделено от настоящего. Англосаксы возможно более других народов ориентированы на планирование и структурированное восприятие событий.

> «В русском языке мы можем сказать «Я работал в компании» и оставить слушателя в догадках — всё ещё там трудимся или уже давно уволились? Английский же безжалостен: *I worked* (всё, закончено), *I have worked* (опыт есть, но когда — вопрос), *I have been working* (не отвлекайте, я ещё занят).» [16]

Связи между словами явно маркированы (предлоги, союзы), что ведёт к более линейному и структурированному мышлению. Каждое явление на шкале времени имеет своё начало и конец. В западной человекоцентричной субъект-объектной целерациональной деятельной культуре время мыслится линейно, обычно как неподвижная линия, по которой движется к преследуемой цели субъект действия из прошлого через настоящее в будущее, находящееся впереди перед глазами. К такому

образу относятся выражения *через год, три дня назад* и др. Для отдельной человеческой самости, слабо связанной и не сопрягающей себя с круговоротом общественного бытия и природы, время линейно и неповторимо. Идея успешного продвижения вперёд (прогресса) характеризует современное западное сознание, лишь опосредованно и слабо связанного с природным окружением, в котором довлеет чувство вереницы событий (истории), находящегося в условиях быстрых, ускоряющихся, взрывных технологических и общественных изменений.

Тоже характеризует и категорию пространства, которое в обыденном сознании часто предстаёт как неподвижная пустая коробка, в которой находятся и перемещаются предметы.

> «Английский любит точность и в пространственных координатах. Представьте, что вам нужно встретиться с другом, который ждёт вас «у метро». В русском можно сказать просто «Я у метро», и этого достаточно. В английском же требуется чёткое определение: I am at the subway station (рядом), I am in the subway station (внутри), I am on the subway station (почему ты на крыше?).
>
> Подобная детализация говорит о мировоззрении: англоязычные люди мыслят пространством, где важно не просто быть, а быть где-то конкретно. Это помогает ориентироваться в мире, но и накладывает ограничения — попробуйте объяснить англоговорящему, что означает русское «там». Где именно там?» [16]

Традиционно ценится упорядоченность пространства, воспринимаемого как нечто поддающееся контролю и рациональному устройству. В массовой культуре частное пространство часто ассоциируется с личной свободой, приватностью и самовыражением, а внешнее выступает как арена действия и конфликта. Оно может быть не только физическим, но и виртуальным или символическим (цифровым, матрицей).

В русском языке человек это не субъект, а часть живого целого, часть непрерывного вечного потока пространства-времени, в котором он обретает себя и от которого он неотделим. Целью действия русского человека является сохранение цельности (полноты) целого и себя в нём через сопричастность с целым. Субъекту в английском языке заданы внешние измерения пустой коробки пространства и линейного времени, в которых он должен ориентироваться и воздействовать на внешние объекты для достижения своих личных целей-мишеней.

> «Английский — это язык действия. Он не терпит безличных конструкций вроде «У нас сегодня тепло». Нет, друг, кто-то должен взять на себя ответственность! *It is warm today*. А если нет подлежащего, его нужно выдумать: *It rains*. Кто «это»? Никто не знает, но дождь идёт исправно.
>
> Более того, английский делит действия на законченные (*I ate the cake* — торт исчез) и продолжающиеся (*I was eating the cake* — процесс поглощения наблюдался). В русском же можно сказать «Я ел торт», и ситуация остаётся

загадочной: доел или нет? Англичанин такого терпеть не может — нужна ясность! <…>

Грамматическая структура английского формирует у его носителей привычку быть точными, логичными и лаконичными. Они привыкли мыслить категориями завершённости, конкретности и ответственности. Мир не просто «есть» — в нём всё локализовано, каждый процесс имеет начало, конец и ответственного.» [16]

В английском языке можно выделить следующие типичные синтаксические особенности, связанные с этнокультурным сознанием:

• прямой порядок слов (SVO) — отражает ценность ясности, прямоты и логичности в англосаксонской культуре;

• акцент на тему и рему — синтаксис часто структурирует предложение так, чтобы подчеркнуть новую информацию, что связано с прагматическими задачами общения;

• чёткость, минимализм, компактность, и экономия средств — отражает прагматизм и рациональность мышления.

Становление фиксированного порядка слов в английском языке определяется не только факторами внутриязыкового развития, но и особенностями менталитета англичан, выражающимися в особой значимости для нации рационального, логического, не зависящего от эмоций мышления [14, с. 498]. Отличительной особенностью англоязычной коммуникации является стремление к позитивным когнитивным сценариям, т. е замена, где это возможно, отрицательной конструкции на утвердительную.

Анализ структуры предложений, по мнению Л. А. Козловой, позволил выделить следующие категории, выражающие особенности этнокультурного сознания в синтаксисе английского языка: «Соотношение предложений с глаголами обладания, агентивность / неагентивность, категория модальности, категория отрицания, концепт каузативность» [17, с. 23]. Агентивность предполагает деятельностный подход к окружающему миру, когда события тесно связаны с человеческой волей: человек воспринимается как центр природы, ее активный творец, определяющий деятельностный тип культуры. Неагентивность, выраженная безличными конструкциями, отражает культурную традицию воспринимать мир как череду событий, не зависящих от человека и не поддающихся его контролю (то, что получило у нас название «обломовщины»). В английской культуре преобладает деятельностный волевой подход к окружающему миру. Больше встречаются предложения, в которых присутствует не только указание на одушевлённое лицо как агенса (субъекта действия) или пациенса (объект, воспринимающий действие), но господствующим свойством агентивности наделяются и неодушевлённые существительные (прием анимизма).

Предложения, состоящие в английском языке из подлежащего и сказуемого, часто переводятся на русский язык при помощи безличных конструкций. При этом

не точно передаётся само восприятие ситуации. ‘One must never be frightened of being called a crank’ / «Не надо бояться прозвища «чудак». ‘It’s so hot, she said, it makes one want to swim’. / «Жара какая, — сказала она, — искупаться хочется» [18].

Безличные конструкции в русском языке, по мнению А. Вежбицкой, отражают привычку снимать с себя ответственность за происходящее, воспринимать мир как совокупность событий, не поддающихся контролю и пониманию [19].

Социальные представления и образ глобального будущего

В политологии и мировоззрении также как и в других формах сознания наблюдается борьба противоположных представлений. От атомизации общества и культа индивида, приоритета его интересов над коллективными до утраты человеком всех его важнейших характеристик и признаков (возраста, пола, национальности, языка, культуры и др.), отчуждения самого человека в целом, всей его сущности вплоть до изменения его биологической природы (63 трансгендера). От либеральной демократии до авторитаризма, нацизма и тоталитаризма.

Доведённая до предела агентивность, в основе которой лежит рациональный практический частный потребительский интерес, закономерно привела западноевропейское общественное сознание к идеям трансгуманизма о конце человеческой истории, биологизации социальных отношений. Вышедшая на замену принятым правилам международных отношений концепция «realpolitik» в исполнении западных держав оказалась на поверку прикрытием корыстной беспринципности, стремления к полному контролю над мировыми ресурсами и собственностью и поставила мир на грань третьей горячей мировой войны.

США и их союзники продвигают концепцию «Мир, построенный на правилах», в целях идеологического обоснования действий Запада по организации международного порядка. На деле, исходя из принципа исключительности стран Запада как «рая» среди дикости, эти правила понимаются не как декларируемые ими принятые международные нормы, закреплённые в международных договорах, и неоднократно нарушаются вплоть до прямого военного вторжения без мандата ООН в суверенные страны. Страны Запада устанавливают и меняют правила по своему усмотрению в своих интересах, о чём свидетельствует широко применяемая практика односторонних «санкций».

По мнению А. Фурсова, ультраглобалисты (англо-американские кланы, неотроцкисты, Демократическая партия, Давосский форум,) планируют антропологический переход, который должен биологически закрепить социальные различия (конференция в Институте сложности в Санта-Фе в 2018 г.). Ультраглобалисты работают над созданием плоского мира под управлением транснациональных корпораций, где верхи и низы различаются как два биологических вида. А их конкуренты глобалисты (американо-английские кланы, Трамп, республиканцы) для контроля над людьми и ресурсами мира хотят создать надгосударственную зону командования технократов «технат» в виде пирамидальной структуры со США на вершине.

Конспирологами озвучивается человеконенавистнический план «золотого миллиарда», согласно которому мировая элита надеется на спасение в подземных городах, пока на поверхности в братоубийственной резне будут вымирать миллиарды землян, лишённых электроэнергии, воды и пищи. Если вспомнить, что аналитическое строение языка, способствует соглашательству и законопослушанию, что позволяет власти успешно манипулировать сознанием масс, и уже неоднократно приводило к таким явлениям как расизм в США, нацизм в Германии, фашизм в Италии и Испании, «казарменный коммунизм» в Кампучии, то план «золотого миллиарда» не покажется бредовым.

3.2. Класс синтетических языков

Синтетические языки — типологический класс языков, в которых преобладают синтетические формы выражения синтаксических отношений в предложении. Синтетические языки разделяются на четыре типа: полисинтетические, агглютинативные, корне-квадратные и флективные.

3.2.1. Полисинтетические языки

К языкам преимущественно этого типа относятся *палеоазиатские (чукотский, эскимосско-алеутские, гренландский), алгонкинские (кри и др.), ирокезские (моухок, сенека и др.), индейские юто-ацтекские (навахо, сиу и др.), южноамериканские (макругана, гуарани и др.), австралийские аборигенные языки, некоторые языки сибирских коренных народов (юкагирские).* Развитие черты полисинтетизма имеют некоторые *кавказские (кабардинский, абхазо-адыгские), австронезийские* и др. языки. Это, в основном, небольшие коренные народы с численностью от нескольких сотен до десятков тысяч человек на каждый язык (самый большой язык *навахо* — 170 тыс.). Без учёта кавказских и австронезийских по числу носителей к языкам мира полисинтетические языки составляют всего лишь около 0,005 % (350–400 тыс. человек)!

Это расплывчатый по своим границам неоднородный тип уникальных «экзотических» разнообразных языков, резко отличающихся от языков более распространённых и известных типов. В нём преобладают формы выражения синтаксиса, характеризующиеся слиянием множества морфем в одном слове, выражающем целое неразрывное словосочетание или даже предложение. Слово (конкретнее — глагол, предикат) может функционировать как целое предложение и, наоборот, предложение может быть выражено одним словом.

Черты, внешне напоминающие полисинтетизм (слитное выражение нескольких значений в одном слове), встречаются во многих языках всех типов, кроме изолирующего, в том числе в русском, английском и французском. К языкам, не являющимся полисинтетическими, но частично обладающими формами,

сближающими их с полисинтетическими (сложная глагольная морфология, агглютинация, элементы инкорпорации) можно отнести *якутский (саха), амхарский, грузинский, мегрельский, сванский, баскский, венгерский, турецкий, финский, корейский, японский, суахили*.

Это наиболее слабо изученная и находящаяся под угрозой исчезновения группа языков. Меньшинства, говорящие на них, в социальном развитии достигали уровня племён, княжеств и их свободных союзов (конфедераций). В наше время они, как правило, не имеют своих национальных государств со своим государственным языком, но имеются их автономии в составе ряда стран. Исключением можно считать лишь де-факто суверенную, частично признанную Республику Абхазия, язык в которой имеет одновременно развитые черты полисинтетизма и агглютинативности.

Государственные образования, где официальный язык на автономном или региональном уровне имеет полисинтетический строй:

- Мексика: *науатль* (ацтекские языки), признан региональным в некоторых штатах;
- Канада: *инуктитут* (официальный в Нунавуте и Северо-Западных территориях); кри (региональный статус в Квебеке и др. провинциях);
- Гренландия (автономия Дании): *гренландский* (калааллисут) — полисинтетический эскимосско-алеутский язык;
- Россия (автономные республики): Кабардино-Черкесия (*кабардинский*), Адыгея (*адыгейский*), Карачаево-Черкесия (*абазинский*); Чукотский автономный округ (*чукотский*);
- Абхазия: *абхазский*.

Синтаксический строй

Полисинтетизм — особый тип морфологии, противопоставленный как словоизменению, так и словообразованию, в котором для связывания значений в мысль преимущественно используется изменение целого неразрывного словосочетания или даже всего предложения. Наиболее часто все члены предложения (полная инкорпорация, т.е. включение в состав) или некоторые части словосочетания (частичная инкорпорация) соединяются в единое целое в виде словоформы. состоящей из большого количества значимых частей (морфем). Другим способом построения сложной словоформы в виде целого словосочетания или предложения является использование разных прикреплений или аффиксов (префиксов, суффиксов и инфиксов), вносящих частичное изменение в лексическое значение её основы. Одна словоформа, состоящая из корней и аффиксов, имеющих множество значений и грамматических элементов, способна комплексно выражать сложную идею.

Список наиболее типичных языков с крайней степенью синтетизма, в которых одно слово выражает целое предложение благодаря сложной морфологии, инкорпорации существительных и богатой системе аффиксов по версии ИИ.

• *Чукотский*. Инкорпорация существительных в глаголы: "*Ты-мыт-куры-нмы-ркын*" — «Я убиваю оленей» (где "куры" — «олень» встроено в глагол).

• *Могаукский*. Одно слово равно целому предложению: "*Wate'karíhtho*" — «Он ей дверь открыл» (встроены субъект, объект и действие).

• *Алеутский*. Сверхдлинные глагольные формы с инкорпорацией: "*Tayaĝu-um-qa-ĝa-qa-a-ku-q*" — «Я собираюсь пойти на охоту» (одно слово).

• *Язык айну*. Глаголы включают субъект, объект и обстоятельства: "*E=an=kor aynu*" — «Я вижу человека» (может сливаться в одно слово).

• *Гренландский*. Одна гигантская словоформа заменяет предложение: "*Nalunaarasuartaatilioqateeraliorfinnialikkersaatiginialikkersaatilillaranatagoorunarsuarooq*" — «Они говорили, что он, очевидно, не смог бы снова создать нечто настолько же большое».

• *Кабардинский*. Глагольный комплекс равен по своему значению целому предложению: «*у-а-къы-дэ-сэ-гъэ-гущыlэ-жьы* — «Я заставляю тебя повторно поговорить с ними». Буквальный перевод: «тебя (*у*) с ними (*а*) оттуда (*къы*) вместе (*дэ*) я (*сэ*) заставляю (*гъэ*) говорить (*гущыlэн*) повторно (*жьы*)».

• *Адыгейский*. Один из языков, в которых отсутствует продуктивная инкорпорация, а используется аффиксация.

В сравнении с русским в языке *инуктитут* ряд грамматических стратегий, конструкций и особенностей отсутствует, они имеют другую форму или ограниченное применение. Падежная система работает иначе. Существительные не имеют рода. Вместо системы предлогов используются постпозитивные аффиксы, которые присоединяются к существительным для указания на отношения между ними. Существительные могут включать в себя информацию не только о числе, роде и падеже, но и указывающую на их принадлежность или на другие отношения (напр., одно слово может обозначать "дом моего друга"). Пример: "ᐊᓗᓐᖏᑐᖅ" (*aluinngituk*) — "он/она ловит рыбу", где форма слова уже включает информацию о действии и объекте, о том, где ловится рыба, как это происходит и т. д. Эта словоформа может быть расширена до "*nunaqtuqtuq*", где добавляется сведение о том, что он ловит много рыбы.

Прилагательные, наречия, описательные значения, предлоги и союзы могут быть встроены в слово, выражены через модификацию существительных и глаголов. Согласование по числу и роду минимально, прилагательные могут не изменяться в зависимости от существительного. Степени сравнения (положительная, сравнительная, превосходная) прилагательных выражаются часто с помощью дополнительных слов, а не через изменение их формы.

Структура предложения подразумевает контекст, где нет жёсткого разделения на части речи. Глагол может включать признак предмета (одушевлённость, пространство, время и др.). В языке *могаук* (ирокезская семья): "*Wate'nikonhrahténha*" — "Он положил вещь в контейнер, который стоял на высокой полке". Здесь описание места и объекта — часть глагола. Глаголы не требуют

однозначного указания на участников действия. В состав глагола-сказуемого могут включаться другие члены предложения (прямые дополнения, подлежащие непереходного глагола), содержащие большой объём информации. Компоненты сложных глагольных форм могут выражать несколько из следующих категорий:

> «Классификация и квантификация событий или участников, «обстановка» (например, ‘ночью’), место или направление, движение, инструмент (например, ‘рукой’), образ действия (‘вытягивая’, ‘быстро’), модальность (включая эвиденциальность [т.е. указание на источник сведений]), степень, скалярные значения (‘только’, ‘также’) и фокус, последовательность событий (например, ‘сначала’, ‘снова’), а также обычные категории вроде актантной деривации, залога, ядерных участников, время, вид (фазу), наклонение и полярность» [20].

Различия между аспектами времени действия выражены через изменение форм глаголов, контекст или с помощью аффиксов, которые не всегда указывают явно на время. Вместо сложных временных конструкций, таких как перфект или плюсквамперфект, время указывается с помощью контекстуальных подсказок или простых временных форм.

Порядок слов в предложении может быть более свободным, чем в аналитических языках.

Нет четкого разделения на прямые и непрямые дополнения. Для обозначения лица и числа используются аффиксы и контекст. Нет явного построения, позволяющего переносить внимание с того, кто действует (субъекта), на того, на которого действие направлено (объект). Ограничено использование модальных глаголов, выражающих отношение к действию. И т. д.

Коллективное бессознательное и мышление

Сложноупорядоченный терминологический аппарат философской мысли и естествознания не мог возникнуть на базе полисинтетического строя, не позволяющего выражать отдельными словами отвлечённые универсальные аналитические понятия. Это не дало сформироваться развитым самостоятельным формам общественного сознания и общественно-государственного устройства. Письменность для отдельных полисинтетических языков была разработана или адаптирована только в 19–20 веках.

Носители полисинтетических языков мыслят более целостно, контекстно и процессуально, чем носители аналитических или флективных языков. Их мышление теснее связано с конкретными действиями и средой, а абстракции выражаются через метафоры и описания. Если сравнивать с европейскими языками, это как разница между "описанием картины по деталям" (аналитические языки) и "ощущением всей картины сразу" (полисинтетические языки). Ключевым отличием мышления является целостное восприятие мира, когда действие, субъект, объект и обстоятельства часто сливаются в одно слово, где детали неразрывно связаны с

общей картиной. Например, в языке айну одно слово может означать: "Я иду ловить рыбу на реку с друзьями утром".

Очень большую роль играет контекст, ситуация, сигналы. В языке *юпик* (эскимосский) можно сказать: "*Tuntussuqatarniksaitengqiggtuq*" — "Он сказал, что собирается охотиться на оленей, но не уверен". Здесь всё — сомнение, намерение, объект охоты — зашито в одно слово, а точный смысл зависит от ситуации.

Основные способы мышления — в неотчётливой форме преимущественно эмпирическая рефлексия, а также метафизическая рефлексия. Основными наиболее характерными и важными подходами к вопросу о целом и части в скрытой форме являются холизм и органицизм, в меньшей степени в контексте социальных и экологических систем системный подход, менее всего выражен меризм.

Если в индоевропейских языках объекты часто главнее действий (существительные — основа предложения), то в полисинтетических главное — состояние, действие, а объекты могут быть "встроены" в глагол. В чукотском языке: "*Тыгыркын*" — "Он быстро побежал вниз по склону". Здесь нет отдельных слов для "он", "побежал", "вниз" — всё слито в глаголе. Полисинтетическими средствами сложно выражать абстрактные понятия без привязки к действию. Например, "свобода" в языке навахо передаётся через "быть неуловимым" ("*doo yit’íinii*").

Это отражается в восприятии времени и взаимодействии с миром, влияет на культуру и поведение. Способствует хорошему пространственному мышлению, сильной связи с природой, коллективизму. В зависимости от языка присутствуют уникальные способы выражения времени и пространства. Время часто выражается через аспекты действия, а не как линейное, состоящее из отдельных временных форм. Время и пространство представляются как цикличные процессы. Окружающий мир воспринимается как динамичный и изменчивый.

Способность создавать длинные слова, включающие в себя множество грамматических и семантических элементов, отражает идею о взаимосвязанности всех вещей, согласования и единства человека и природы. Среди этих языковых общностей существуют устные мифологические образные представления о том, что все части природы (люди, животные, растения) тесно взаимосвязаны и изменения в одном месте оказывают влияние на всё единое целое. Метафизика имеет метафорическую образную форму и отражает целостное органичное восприятие реальности, различные стороны которой не могут быть разделены отвлечённым рассудком на отдельные понятия.

Подчеркивается важность наследия и связи с прошлым. Природные явления персонифицируются: развиты представления о том, что природа наполнена духами и сущностями, обладающими сознанием и волей.

Социальные представления и образ глобального будущего

Народы, говорящие на полисинтетических языках, живут в традиционных обществах, организованных по родовым, племенным или клановым принципам в

племенные свободные союзы (конфедерации), где решения принимаются на основе согласия. Общественный строй основан на семейных связях и общинной жизни в гармонии с природой и окружающим миром. Внимание сосредоточено на коллективных ценностях и взаимопомощи. Индивидуальные достижения менее важны, чем благополучие группы. Системы верований и ритуалов объясняют человеку его место в мире, связь с предками, природой и духами. Распространена высокая степень автономии на уровне местных общин, где каждая группа управляет своими делами, сохраняя традиционные практики и обычаи.

Полисинтетические культуры не выстраивают программы и не навязывают миру свои глобальные планы образа будущего.

3.2.2. Агглютинативные языки

К этому типу преимущественно относятся *тюркские (турецкий, киргизский, азербайджанский, татарский, казахский, каракалпакский, башкирский, чувашский, якутский и др.), индийские* (*хинди, урду*), некоторые *финно-угорские*, *монгольские, тунгусо-маньчжурские, иранские, абхазо-адыгские, нахско-дагестанские, дравидийские, корейский, японский, грузинский, чеченский, марийский, баскский, бурушаски, банту* языки, большинство *австронезийских*, часть *индейских* и *африканских* языков. Носители этих языков составляют ~7 % (450–550 млн) человечества.

Синтаксический строй

Языки этого типа «приклеивают» к слову от одного до нескольких слогов (агглютинатов): префиксов перед корнем или суффиксов после корня, передающих каждый только одно грамматическое значение. Комбинации корней и агглютинатов служат для передачи различий в значении, создания новых слов, выражения сложных понятий и идей о взаимосвязях между элементами мира. Один аффикс равен одному значению (нет слияния нескольких значений, как в флективных языках). Аффиксы легко отделяются от корня. В отличие от флективных языков вроде русского или латыни грамматические правила работают строго (минимум исключений). Из-за последовательного присоединения морфем могут образовываться словоформы длиной как целые предложения (например, в турецком "*Evlerimizdekilerden mi?*" = "Из тех, что в наших домах?"). Достаточно гибкий порядок слов позволяет выделять части предложения.

Топ типичных агглютинативных языков по версии ИИ.

• *Турецкий.* Строгий порядок аффиксов: корень + суффиксы (падеж, число, принадлежность). Пример: "*Evlerimizden*" = "*ev*" (дом) + "*-ler*" (мн. число) + "*-imiz*" (наш) + "*-den*" (из) = «из наших домов».

• *Венгерский.* Богатая падежная система (18+ падежей), выражаемых суффиксами. Пример: "*Ház*" (дом) → "*házam*" (мой дом), "*házamban*" (в моём доме).

• *Финский*. 15 падежей, каждый маркируется однозначным суффиксом. Пример: "*Talo*" (дом) → "*talossani*" (в моём доме) = "*talo*" + "*-ssa*" (в) + "*-ni*" (мой).

• *Японский*. Глагольные и именные цепочки суффиксов. Пример: "*Tabemasen deshita*" = "*tabe*" (есть) + "*-masen*" (отрицание) + "*deshita*" (было) = «не ел(а)». Частицы вместо падежей ("*wa*", "*ga*", "*o*").

• *Суахили*. Система именных классов (18+ классов), маркируемых префиксами. Пример: "*Mtoto*" (ребёнок) → "*Watoto wangu*" (мои дети) = "*wa-*" (мн. число) + "*-toto*" + "*-angu*" (мой).

Частично агглютинативными языками в разных языковых семьях по версии ИИ являются *корейский* (агглютинативный, но с элементами фузии), *тамильский* (агглютинативные падежи), *баскский* (изолированный, но с агглютинативной морфологией), *абхазский* (с развитыми чертами полисинтетизма).

По сравнению с русским в типичном турецком языке отсутствует ряд стратегий и особенностей. Пассивные конструкции часто не указывают на источник действия (агента): например, "*Kitap okundu*" переводится как "Книга была прочитана", но не указывает, кто именно её прочитал.

Менее выражено разделение на прямые и непрямые дополнения: например, в "*Ben kitap veriyorum arkadaşım*" (*Я* даю книгу другу) оба дополнения могут восприниматься как равнозначные, и их роль зависит от контекста.

Реже используются предлоги, и вместо них после основы применяются частицы, изменяющие её значение (постпозитивные аффиксы): например, "*Kitap hakkında düşünüyorum*" (Я думаю о книге) использует аффикс "*hakkında*" вместо предлога.

Не используются сложные временные конструкции, перфект и плюсквамперфект: "*Kitabı okudum*" (Я прочитал книгу) не передаёт той же степени завершенности действия, что и в русском.

Модальные значения глаголов, изменяющие значение предложения, указывающие на возможность, необходимость или желание, также выражаются через аффиксы, что ограничивает возможность их использования. Например, "*Kitabı okuyabilirim*" (Я могу прочитать книгу) использует аффикс "*-abilir*" вместо отдельного модального глагола.

Время выражается через аффиксы не так явно, как во временных формах русского глагола. Например, "*Ben kitap okuyorum*" (Я читаю) и "*Ben kitap okudum*" (Я прочитал) имеют четкие аффиксы, но использование контекста для определения времени может быть более распространено. И т. д.

Коллективное бессознательное и мышление

Мышление народов, говорящих на агглютинативных языках, отличается от носителей аналитических и флективных языков из-за особенностей словообразования. Поскольку каждое грамматическое значение кодируется отдельным аффиксом, носители склонны к системному, структурированному,

пошаговому мышлению. Это заметно в японской и корейской культуре, для которых характерны чёткие инструкции и любовь к схемам.

Время и направление в пространстве не "отделены" от действия, т.к. выражаются суффиксами, а не отдельными словами. Это ведёт к более целостному восприятию процессов. Например, в турецком "*Geliyorum*" ("я прихожу") или "*Geleceğim*" ("я приду") — разница только в суффиксе.

В финском и венгерском нет грамматического рода, но есть множество падежей (15+). Это заставляет носителей уделять больше внимания связям между объектами, а не их внутренним свойствам. Например, венгры лучше запоминают форму и расположение предметов, чем их цвет.

Агглютинация позволяет легко создавать новые слова, комбинируя корни и аффиксы. В японском и корейском это привело к быстрому заимствованию и адаптации иностранных терминов (например, "компьютер" → яп. "конпьюта" コンピュータ). В турецком язык реформировался в XX веке путём замены арабских слов на тюркские корни + аффиксы.

В корейском и японском опускается всё, что можно восстановить из контекста. На востоке при обмене информацией важна высокая чувствительность к подтексту и невербальным сигналам.

Так как агглютинативные языки, как японский и турецкий, могут довольно сильно различаться по строению, то это выражается в особенностях менталитета. Например, если турецкий программист может легче воспринимать код как "сборку блоков", то японец обращает больше внимания на контекст выполнения программы.

Агглютинативные языки способны создавать конструкции для детального и тонкого выражения метафизических понятий, таких как «существование», «сущность» или «время», описывать в сложных синтаксических структурах триадологические идеи, такие как "Триединство" Бога, человека и мира в исламской мысли, или японскими концепциями "синто" и "буддизм", где рассматриваются отношения между духами, природой и человеком.

Пошаговое строгое мышление согласуется с антиномичной метафизической логикой, приводящей к трансцендентальному идеализму, что объясняет, почему метафизика многих языков данного типа связана с исламской традицией и мистикой (суфизмом). Исламский теизм является направлением авраамической библейской мысли. «Эль» и «эло́ах» (на аккадском «Бог») соответствуют именам в других семитских языках: «Алла́х, Алла́ху, ила́х» (الله) — арабский язык; «Элохим (אלהים), Эло́ах, Эло́га (אלוה)» — древнееврейский язык. Ключевыми идеями ислама, как и иудаизма, являются: единственность и неделимость Аллаха, творца и управителя всего сущего; непознаваемость Его сущности; зависимость от Него бытия, протяжённого в конечных и измеримых времени и пространстве; уникальность человека как создания, наделённого разумом и свободной волей; единство всего бытия; важность любви между существами, являющимися отражением божественного. Суфийская традиция рассматривает единство и многообразие как

ключевые аспекты понимания реальности. Меризм и редукционизм в исламской мысли проявляется в стремлении объяснить сущность единого Бога через его атрибуты. Холистический подход связан с концепцией "вселенского порядка" (*nizam*), связывающего все элементы мира в единую гармонию, с идеей о том, что отдельные сущности не могут быть поняты вне их отношений с другими, в понимании человека как неотъемлемой части природы и общества. Органицизм проявляется в исламском учении о единстве творения и представлениях о мире как о живом организме.

Для японской метафизики характерна "чувствительность" или "интуитивное восприятие" мира: концепция "*кандзэ*" (感 性) передаёт тонкие нюансы, подчеркивает важность личного опыта в формировании знаний. Метафизическая рефлексия и холистический подход связаны с концепцией "*ва*" (гармония), подчёркивающей важность целостности и гармонии в отношениях между людьми и природой, и концепцией "космоса", в котором каждое существо и элемент играют свою уникальную роль. В японской философии редукционизм менее выражен: традиционный дзен-буддизм, акцентирует внимание сосредоточивается на целостности опыта и восприятия, на пустоте и единстве. Системный подход важен в контексте экосистем и взаимодействия человека с природой, которая часто понимается как живой организм.

Время часто воспринимается как циклическое. В некоторых культурах это связано с ритуалами, отмечающими переходы между сезонами. В других случаях оно может восприниматься как линейное, с акцентом на прогресс и развитие. В некоторых языках делается упор на значимость текущего момента. Пространство часто понимается как динамичное, где важны не только физические, но и духовные аспекты, как поле взаимодействия между людьми, природой и духами. Возможен акцент на неразрывной взаимосвязи времени и пространства: некоторые учения утверждают, что изменения в одном аспекте влияют на другой.

Социальные представления и образ глобального будущего

Многие народы не создавали и не имеют централизованных государств, которые характерны для славян и западноевропейцев, их жизнь регулируется родоплеменными или общинными структурами. В отличие от поземельной славянской общины социальные структуры агглютинативных общностей основываются на родоплеменных или клановых принципах, задающих важность семейных отношений и взаимопомощи. Родоплеменные общины этих народов имеют свои названия: *аймак* у казахов, *оймак* у киргизов, *урус (урук)* у тюрков, *сала* у якутов, *турун* у эвенков, *бонгжо* (본조) у корейцев, *клан* (кэ, 家) у японцев, *mloxь*, *тейп* и *тукхум* у чеченцев и ингушей, *тухум* у аварцев, *тхьэма* у абхазов, *тхылъ* у адыгов. Решения в них принимаются на основе согласия, присутствуют элементы демократии, важны мнение и участие каждого члена в принятии решений. Большое значение имеют патриархат, система старейшин и советов. Интересы группы важнее

индивидуальных достижений. Развиты системы норм и обычаев (ритуалы, праздники и традиции), укрепляющие связи, регулирующие поведение и взаимодействие между членами сообщества.

Ключевые элементы авраамического образа глобального будущего в иудаизме, христианстве и исламе имеют общие холистические идеалистические метафизические черты. Библейский Бог из Книги «Бытие» (Яхве, Троица, Аллах) запределен (трансцендентен) к сотворённому им греховному бытию, недостижим и непознаваем. Спасение и восстановления связи падшего творения с Творцом возможно только в результате неизбежных катастрофических событий в конце света: пришествия посланца Бога (Машиаха, Христа, Махди), победы добра со злом, Страшного суда и создания нового небесного и земного царства.

Образ будущего справедливого правления для мусульман связан с единством уммы — духовного и религиозного «сообщества» мусульман, объединённых общей верой в Аллаха и пророка Мухаммеда. Мусульмане ожидают пришествие Махди (араб. المهدي — «направляемый Богом») — спасителя и праведного вождя. Он явится перед Судным днём, чтобы восстановить справедливость и истинную веру, привести мусульман к единству, установить праведное правление на Земле по божественным законам (шариату) и подготовить мир к приходу пророка Исы (Иисуса). Иса вернётся на Землю, чтобы победить антихриста (Даджаля) и установить окончательную победу над злом. После чего наступит Судный день — конец нынешнего мира, когда произойдет воскрешение мёртвых и Аллах воздаст каждому по делам его, разделив всех на праведников и грешников для вечной жизни в раю (Джанне) или мучениям в аду (Джаханнам).

Общими чертами образа глобального будущего народов, говорящих на агглютинативных языках, являются традиционные представления о цикличности времени и природы, о необходимости гармонии с природой, стремление к справедливости и общественному благу, сочетание традиций с технологическим и социальным прогрессом. Их разнообразие определяется различием культурных, религиозных и исторических традиций. У тюрков с идеями ислама и шаманизма. У финно-угорских народов с христианскими представлениями и с традиционными языческими идеями о цикличности природы. У японцев с идеями синтоизма и буддизма, у монголов — шаманизма и буддизма.

В отличие от апокалиптических учений авраамических религий, приготовляющих своих приверженцев к постоянному ожиданию близящегося «конца света» и Страшного суда, ведические и языческие органические взгляды (шаманизм, синтоизм) не предполагают окончательного линейного конца мира, а воспринимают природу в её постоянном круговороте. Будущее для ведистов и язычников — это продолжение естественных циклов жизни, смерти и возрождения, смены сезонов и космических процессов. Человек живёт в ладу с обожествляемой им природой и ожидает возвращения богов, героев или духов-покровителей, которые принесут порядок и справедливость.

3.2.3. Корне-квадратные языки

К этому типу относятся семитские языки: *арабский*, *иврит*, *амхарский*, *тигринья*, *тигре*, *арамейский*, *бехарский*, *мальтийский* (частично). Носители этих языков составляют ~6 % (400–450 млн) человечества.

Синтаксический строй

Используют шаблоны для изменения корней и образования новых слов. Имеют уникальную корне-квадратную или консонантную морфологию. Лексическое значение слова передаётся определённой комбинацией согласных в трёхсогласном корне (реже четырёхсогласным), несущем основное смысловое ядро. а фиксированные грамматические значения — накладываемым устойчиво повторяющимся набором (шаблоном, паттерном) изменяемых гласных внутри корня (внутренняя флексия и трансфиксы) и аффиксацией вне корня (префиксы, суффиксы, инфиксы). Гласные и огласовки (харакаты) меняют значение и грамматическую форму. Например, араб. корень ك-ت-ب [*k-t-b*] = "писать". От него словообразование по шаблонам (аффиксы + гласные внутри корня): *китаб* — "книга"; *катиб* — "писец"; *катаба* — "он написал"; *кутиба* — "было написано"; *мактаба* — "библиотека"; *мактаб* — "офис, место письма".

В современных семитских языках падежи почти исчезли. Порядок слов в предложении может гибко меняться, а его смысл во многом определяется морфологией. Письменность возможна без гласных (в классическом арабском и иврите гласные часто опускаются).

• *Классический арабский* (العربية الفصحى). Строгая корневая система из 3–4 согласных. Сложная система трансфиксации (огласовки меняют значение).

• *Иврит* (עברית). Корень + биньяны (словообразовательные шаблоны): *k-t-v* («писать») → *katav* (он написал), *hikhtiv* (продиктовал). Ограниченное словоизменение (в современном иврите упрощено). Аналитические конструкции (как в корнево-изолирующих языках) в разговорной речи.

• *Амхарский* (አማርኛ). Корневая система + префиксация (как в других семитских, но с влиянием кушитских языков). Пример: *s-b-r* («ломать») → *säbbärä* (он сломал). Менее сложная огласовка, чем в арабском, но сохранена корневая структура.

• *Мальтийский* (Malti). Гибрид семитского и романского. Сохранение семитской корневой системы, но с упрощённой морфологией. Пример: *k-t-b* → *kiteb* (книга), *kitba* (письмо). Использует латинский алфавит + заимствования из итальянского.

• *Арамейский.* Близок к ивриту, но с упрощённой морфологией.

• *Тигринья*. Как амхарский, но с более сложной внутренней флексией.

Эталонами данного типа являются арабский и иврит. В отличие от русского языка, в иврите могут отсутствовать или быть трудными для выражения некоторые аспекты и стратегии. Система падежей не так развита, как в русском: дательный и

винительный падежи часто выражаются с помощью предлогов, что усложняет понимание. Имеет менее разнообразную систему временных форм. Для передачи используются вспомогательные глаголы, что затрудняет точное выражение нюансов времени. Сложные предложения возможны, но порядок слов более фиксированный, что затрудняет выражение сложных идей. Отрицание выражается с помощью единственной частицы "ניט" (*nit*), что ограничивает вариативность. Хотя прилагательные также изменяются, их согласование менее строгое, особенно в разговорной речи, что затрудняет точное выражение. С числовыми выражениями могут возникать сложности, так как формы менее разнообразные. Использование степеней сравнения менее распространено, часто прибегают к описательным конструкциям вместо формальных сравнений. Указательные местоимения, такие как "דאָס" (это), менее вариативные, что ограничивает точность указания.

Коллективное бессознательное и мышление

Семитам свойственен "корневой" способ мышления. Не случайно арабский лингвист аль-Халиль ибн Ахмад (VIII век) создал первый словарь, упорядочив слова по корням, а не по алфавиту.

Поскольку один корень порождает множество слов, семиты обладают абстрактно-ассоциативным мышлением и легко улавливают скрытые связи между понятиями. Например, в арабском корень ج-ن-ن [j-n-n] связан с "садом" (*джанна*), "безумием" (*джунун*) и "джиннами" (*духами*) — всё это ассоциируется со "скрытым, таинственным". Это развивает метафорическое мышление (Коран и Библия полны словесных иносказаний).

Так как гласные часто не пишутся, мозг автоматически восстанавливает пропущенное и "достраивает" смысл в зависимости от контекста (например, "ктб" в арабском может читаться как "*китаб*", "*катаба*", "*кутуб*"). Это тренирует интуитивное понимание и умение "читать между строк".

Арабская грамматика строго алгоритмизирована (чёткие правила для 99 % случаев). Это отразилось в классической арабской науке (алгебра, алгоритмы, медицина), где системность, формализованная логика и структурированность ценится выше исключений.

Корневая система облегчает запоминание — слова группируются в "семьи". Например, в иврите корень ש-ל-ם [sh-l-m] даёт "*шалом*" (мир), "*лешалем*" (заплатить), "*мушлам*" (идеальный). Традиция заучивания Корана наизусть развивает феноменальную память.

Время глагола менее важно, чем его вид (завершённость/незавершённость). В арабском: "*катаба*" (он написал — завершённое действие), "*яктубу*" (он пишет/будет писать — незавершённое). Больше внимания уделяется процессу, а не линейному хронологическому восприятию. Мышление семитских народов сильно отличается от западноевропейского.

> «Европейское мышление и европейская метафизика не исходят из действия как первичной действительности (вот еще одна подсказка русского

языка), а всегда стремятся прикрепить его к субстанции, понять не как «что», а как «какое». Теперь представьте, что именно действие — это «что», а его «какое» — действователь и претерпевающее, т.е. те две стороны, между которыми оно протекает.» [21]

Глубоко развитая идея корня как источника смысла и бытия привела к тому, что в авраамических религиях (иудаизме, исламе и христианстве) слово воспринимается не просто как знак, как средство коммуникации, а как проявление сущности, творческой силы и божественного замысла, отражение глубинной структуры реальности. Гибкий синтаксис и развитая морфология слов, а не их жёсткий порядок, отражают метафизическую идею, что сущности и их отношения не фиксированы внешне, а определяются внутренними связями (корнями и паттернами). Корень — это не просто набор звуков, а семантический и концептуальный центр, который отражает архетип, основу бытия, сущность вещи или действия. Он символизирует первопричину, а накладываемый паттерн из гласных и морфем — её форму, конкретизацию, частное уточнение, проявление, дающее корню определённое значение и функцию в материальном мире, подобно тому, как дух проявляется в материи. Это отражает метафизическую идею классического теизма, что в основе каждого явления лежит нечто трансцендентное, неизменное, вечное — корень бытия. Приводит к поиску Сущего (Яхве, Сый) как божественной первопричины всего бытия

Коллективное когнитивное бессознательное в арабском языке диктует, что не может быть больше одного подлежащего и одного сказуемого. Вместо западной аналитической линейной логики отнесения к множеству с помощью связки «есть» (по формуле «S есть P), в мышлении арабов к множеству нельзя отнести более одного элемента и один элемент не может быть членом более чем одного множества.

> «Один процесс, т.е. протекание одного действия, возможно только между одним инициатором и одним восприемлющим: *исиад* «опирание» не может связывать более чем одно подлежащее с более чем одним сказуемым.» [21]

Социальные представления и образ глобального будущего

Социальные представления, традиции и идеалы в семитских культурах глубоко укоренены в религиозных, семейных, родовых и общинных ценностях, которые формировались на протяжении тысячелетий и продолжают оказывать значительное влияние на повседневную жизнь и мировоззрение. К ключевым принципам надо отнести уважение к старшим, почитание родителей, поддержание родственных связей, патриархальную структуру семьи как центральной ячейки общества, взаимопомощь, солидарность и коллективная ответственность внутри общины (кланы, племена, религиозные общины), честь и репутация семьи или клана. Основой социальной жизни, повседневного контроля (брак, пищевые запреты, праздники, обряды) и воспитания являются религиозные нормы,

предписания и институты. Важным социальным идеалом чести и достоинства является гостеприимство.

Влияние урбанизации, образования и глобализации приводит к трансформациям традиционных социальных структур и ролей. Появляются новые модели семьи, меняются гендерные роли, усиливается индивидуализм.

Для образа будущего характерно религиозное эсхатологически окрашенное и морально ориентированное видение. В отличие от циклических мировоззрений, характерных для некоторых других культур, семитские традиции склонны к линейному восприятию времени — история имеет начало и конец, и будущее ведёт к определённой цели (телосу). Семитские религии (иудаизм, христианство, ислам) имеют развитые учения об «конце времен», Судном дне, мессианских или махдистских ожиданиях. В иудаизме — ожидание прихода Мессии и установления Царства Божьего на земле. В христианстве — Второе пришествие Христа, Страшный суд, Царство Божье. В исламе — приход Махди, возвращение Исы (Иисуса), Судный день и вечная жизнь в раю или аду. Будущее предопределено и неизбежно: в конечном итоге от воли Бога зависит, получит человек вознаграждение за праведность или наказания за грехи.

Семиты смогли распространить свои метафизические представления в форме трёх основных семитских религий — иудаизма, христианства и ислама на большую часть мира, включая народы России. Согласно данным Pew Research Center, World Religion Database на 2024 г. приблизительные оценки численности приверженцев составили: иудаизм — около 15 млн человек (~0,19 % от мирового населения); христианство — около 2,4 млрд. (~30 %); ислам — примерно 1,9 млрд. (24 %). сумме примерно 4,3 млрд. человек (~54 %) от всего населения Земли.

3.2.4. Флективные языки

К флективным относятся языки, в основном сохранившие синтаксис праиндоевропейского (арийского) языка: все *славянские* (кроме болгарского), прибалтийские (*латышский* и *литовский*), германские (*немецкий, исландский* и *фарерский),* кельтские (*ирландский гэльский, шотландский гэльский, валлийский, бретонский*), *современный греческий,* языки южных ариев (*пушту, курдский, осетинский, белуджский*), *армянский,* а также *албанский* и *берберские* языки. Носители этих языков составляют только ~5 % (300-350 млн) человечества.

Основным стволом-продолжением праиндоевропейского языка, лидером живых флективных языков является современный русский язык, занимающий 5-е место в мире по количеству носителей (до 300 млн).

К флективным относятся древние знаменитые языки развитой науки, философии, религии и культуры: *классическая латынь, древнегреческий, классический персидский*, *санскрит* и *церковнославянский*.

Немецкий язык — это в основном флективный язык переходного к аналитическому типа, с заметными аналитическими элементами.

Современный *албанский* язык считается потомком одного из древних балканских индоевропейских языков (возможно, иллирийского, или с влиянием фракийского или дако-фракийского). Его флективная морфология — наследие праиндоевропейской структуры, сохранившейся в изоляции от славянских, кельтских и германских языков. Албанцы в ДНК-генеалогии представляют собой смесь различных гаплогрупп, относящихся к юго-восточной Европе на Балканах (R1b, E-V13 (подгруппа E1b1b), J2, G2a).

Берберские языки принадлежат к афразийской языковой семье, которая включает также семитские, кушитские и другие языки. Флективность в берберских языках — результат внутренней эволюции афразийских языков, а не заимствования от индоевропейских или других языков. Предками берберов являются автохтонные народы Северной Африки с древним генетическим наследием, представленным в основном гаплогруппой E-M81. Это отражает древнюю и самостоятельную языковую традицию коренного населения Северной Африки.

К языкам потомков южных ариев, переходного типа между флективным или уже аналитическим относятся современный *персидский (фарси), дари (афганский персидский), таджикский* и некоторые *диалекты курдского*. Романские языки (в высокой степени *румынский и итальянский*, в средней *испанский, португальский, каталанский и галисийский*, в низкой *французский*) — также пример языков переходного типа между флективным и аналитическим, ещё сохранившие развитую систему спряжения глаголов, но уже с сильно упрощённым склонением существительных. Некоторые черты флективности наблюдаются в отдельных языках всех синтаксических типов по всему миру. Вне Евразии флективность часто проявляется не в классическом виде (как в индоевропейских языках), а через внутренние изменения корня, слияния аффиксов и сложные системы согласований.

Синтаксический строй флективных языков

Флективные языки характеризуются изменением формы слова (через окончания, суффиксы или внутреннюю флексию) для выражения его грамматических значений (морфологических категорий падежа, числа, рода, времени и т. д.) и его разнообразных синтаксических связей в словосочетании и предложении. Преимущественно это выражается с помощью изменения окончания самого слова в виде падежа и склонения имён существительных, прилагательных, местоимений и некоторых числительных и спряжения для глаголов. Ключевая черта флективных языков — слияние (фузия) нескольких грамматических значений в одной добавляемой к корню части слова (аффиксе) в отличие от агглютинативных языков, где каждое значение выражается отдельным аффиксом (агглютинатом). Для них также характерны: развитая падежная система (если есть склонение); спряжение глаголов по лицам, числам, временам; часто встречаются чередования в корне (аблаут, умлаут).

Искусственный интеллект выделяет следующие современные живые языки с наиболее чистой флективной системой (без сильного влияния аналитизма или агглютинации) [22].

• *Литовский* (балтийская архаика). Семь падежей (включая звательный, как в старославянском). Богатая система склонения (разные типы основ). Глагольная флексия (спряжение по лицам, числам, временам). Сохранение древних индоевропейских черт (близок к санскриту и латыни). Пример: *vyras* (человек, им. п.), *vyro* (род. п.), *vyrui* (дат. п.).

• *Исландский* (германская архаика). Четыре падежа (именительный, родительный, дательный, винительный). Сильное склонение существительных и прилагательных. Сохранил архаичную древнескандинавскую глагольную систему. Минимум заимствований, почти нет аналитических конструкций. Пример: *hestur* (конь, им. п.), *hests* (род. п.), *hesti* (дат. п.).

• *Польский*. Полная система из 7 падежей, включая звательный. Разветвлённая система склонений (мужской, женский, средний род + одушевлённость). Глагольное спряжение с чередованиями (*mówię — mówisz*). Минимум аналитизма. Пример: *kot* (кот, им. п.), *kota* (род. п.), *kotu* (дат. п.).

• *Чешский*. 7 падежей (как в польском). Сложная система склонения (14 типов у существительных). Глагольные классы (*nesu — neseš*). Сохранил древнеславянскую флексию. Пример: *město* (город, им. п.), *města* (род. п.), *městu* (дат. п.).

• *Современный греческий* (сохранение древнегреческих черт). Четыре падежа (именительный, родительный, винительный, звательный). Глагольная флексия (спряжение по лицам и числам). Аналитизм слабо развит. Пример: *άνθρωπος* (человек, им. п.), *ανθρώπου* (род. п.), *άνθρωπο* (вин. п.).

• *Немецкий*. О немецком языке классической европейской культуры надо рассказать более подробно. Немецкий язык можно считать полусинтетическим, т.к. он сочетает как развитые синтетические, так и аналитические черты. Он находится на границе аналитических и флективных языков по «линии Клёсова», делящей Европу сверху вниз на западноевропейские народы «эрбинов» с гаплотипом R1b и славянские народы «эранов» с гаплотипом R1a.

К его синтетическим чертам относятся способность существительных, прилагательных и местоимений изменяться по падежам, глаголов по лицам и числам, прилагательных в зависимости от рода, числа и падежа существительного. Имеет: четыре падежа (именительный, родительный, дательный, винительный); сильное и слабое склонение прилагательных (*der gute Mann vs. ein guter Mann*); глагольная флексия (*ich gehe, du gehst*); аблаут (чередование гласных) в сильных глаголах (*singen — sang — gesungen*).

К аналитическим — порядок слов, играющий важную роль в передаче смысла, особенно в вопросах и придаточных предложениях; использование предлогов и вспомогательных глаголов для выражения временных и других значений (например,

"*haben*" и "*sein*"); использование других служебных слов (союзов, местоимений, частиц, артиклей).

Сложный и гибкий синтаксический строй, включающий возможность свободного порядка слов, оказал значительное влияние на развитие немецкой метафизики, на конструирование сложных многогранных философских идей и традиций, особенно направлений идеализма и трансцендентализма. Способствовал глубокому анализу и конструированию такими великими философами, как Фихте, Кант, Шеллинг и Гегель, сложных органичных концептов диалектики природы как живого организма. Изменчивость окончаний позволяет создавать точные и многоуровневые метафизические построения, порядок слов в которых подчёркивает логические связи между идеями. Терминология диалектики Гегеля (напр., "*Aufhebung*" — подъём/снятие) передаёт уникальные дополнительные оттенки, сложно переводимые на другие языки без потери смысла. Возможность построения стройных логических конструкций способствует строгому метафизическому анализу, приводит к чётким доводам и формулировкам. В отличие от английского языка, которому присущ главным образом номинализм, немецкий — это преимущественно язык концептуализма, согласно которому общие понятия не являются ни реальностями, ни простым словесным обозначением, а заключены в значении слова и представляют собой мысленное содержание, относимое ко множеству отдельных вещей на основании имеющегося сходства или совпадения между ними (Пьер Абеляр).

Благодаря флективности слова могут изменять значение и контекст, что позволяет создавать более точные многоуровневые абстрактные понятия, такие как «сущность» или «субстанция», использовать логические конструкции. Способность создавать длинные составные слова, объединяющие в одно несколько понятий, позволяет компактно и точно выражать сложные метафизические идеи, создавать трудно переводимые термины с уникальным смыслом. Например, "*Selbstbewusstseinsentwicklung*": *Selbst* (сам), *Bewusstsein* (сознание), *Entwicklung* (развитие) — развитие самосознания.

• *Русский язык*. Типичным и наиболее большим по числу носителей флективным языком является русский, который занимает около 32 % от суммарного количества носителей всех перечисленных языков флективного типа.

Синтаксический строй русского языка

Как и другие флективные языки обладает развитой системой частей речи и членов предложения. Строение русского языка во многом отображает особенности структуры мышления, логику восприятия и способы организации знаний, характерных для языковой русской общности. Грамматические категории, части речи, синтаксис соответствуют базовым смысловым и логическим категориям общемировой философии и науки: субъект, предикат, объект, атрибут, модификатор.

Табл. 3

Соответствия между членами предложения, частями речи, смысловыми и логическими категориями

Член предложения	Части речи	Смысловое понятие	Логическая категория
Подлежащее	Существительное, местоимение	Субъект действия или состояния	Субъект (индивид, объект)
Сказуемое	Глагол, составное именное сказуемое	Действие, процесс, состояние	Предикат отношение, свойство)
Дополнение	Существительное, местоимение	Объект действия	Объект (индивид, предмет)
Определение	Прилагательное, причастие	Признак, свойство объекта	Атрибут (свойство)
Обстоятельство	Наречие, существительное в падеже с предлогом	Условие, обстоятельство действия	Модификатор предиката (обстоятельство)

Части речи и их логико-смысловые функции

- Существительные — обозначают объекты, вещи, понятия (конкретные или абстрактные), то есть индивиды или классы объектов в мышлении.
- Глаголы — выражают действия, процессы, состояния, то есть предикаты, которые связывают субъект с объектом или описывают свойства.
- Прилагательные — обозначают признаки и свойства объектов, то есть атрибуты.
- Наречия — модифицируют действия или признаки, выражая обстоятельства (время, место, способ), то есть модификаторы предикатов.
- Местоимения — указывают на объекты или лица в контексте, выполняя функцию ссылок на индивидов.
- Числительные, числовые обозначения — количество;
- Предлоги, союзы, средства связи слов (падеж) — связи и отношения;
- Средства выражения временных характеристик — время.

Синтаксические положения членов предложения, как единого сложноорганизованного (живого) целого, для выражения мысли могут заполняться любыми частями речи от междометия до предложения. Например, подлежащее может быть выражено не только в виде существительного, но и с помощью местоимения-существительного, любой части речи в значении существительного (числительного, союза, частицы, наречия, междометия, необычных форм слов, глагола в неопределённой форме, слова, обозначающего признак подлежащего), словосочетания, и даже целого ядра предложения (предикативной единицы), входящего в состав простого предложения в качестве его члена и теряющего

признак отдельного предложения: напр., …*Громкое «Благодарствуйте, батюшка Алексей Степаныч!» огласило поляну* [23].

Табл. 4

Языковые категории и логические категории

Языковая категория	Логическая категория	Пример
Род (мужской, женский)	Категория рода (классификация объектов)	«стол» (м.р.), «книга» (ж.р.)
Число (единственное, множественное)	Множество / единичный элемент	«стол» — один, «столы» — много
Время (прошедшее, настоящее, будущее)	Временная категория (темпоральный аспект)	«шел», «идёт», «пойдёт»
Вид (совершенный, несовершенный)	Категория завершённости действия	«прочитал» (завершено), «читал» (процесс)
Залог (действительный, страдательный)	Категория агента действия	«писал» (сам), «был написан» (подвергся)

Развитая морфология делает строй русского языка очень богатым и сложным. Кроме 6 «школьных» падежей в нём имеется ещё 8 более редких падежей: 7) *количественно-отделительный* (задать жару); 8) местный (в лесу, на печи); 9) *изъяснительный* (стоять на площади); 10) *звательный* (Вась, мам, папуль); 11) *счётный* (два карандашá, три часá); 12) *лишительный* (не водить машину, не пить водку); 13) *ждательный* (ждём маму); 14) *превратительный* (пошёл в космонавты, баллотировался в президенты). А также, по мнению В.А. Шемшука, насчитывается более 60 семантических смысловых падежей (отношений между словами), имеющих особые предлоги и отвечающих изменением окончания существительного на заданные вопросы: *на ком/чём?, где?, куда?, чей?, какого?, который?, на сколько?, в кого?, за кем?/чем?* и т. д. Например, *временной* падеж отвечает на вопрос *когда?* — завтра, сегодня, через месяц, а *страдательный* на вопросы: *на ком (чём)?* — на верблюде, на горе, на машине и т. д. [24]

В действительности скрытых смысловых падежей существительных, отвечающих изменением окончания на разные вопросы, по количеству управляющих предлогов около 200! Но так как сложно для каждого вопроса иметь свою форму окончания, в языке используется их усреднённый набор. В зависимости от рода, числа, падежа и типа склонения набор составляет около 40–50 возможных окончаний. Поэтому, как отмечает *В. А. Богородицкий*, около 200 предлогов, являющихся важным вспомогательным аналитическим средством, распределяются между пятью «школьными» падежами (кроме именительного): на родительный падеж приходится около 115-ти; с творительным употребляется 24, с винительным — 20, с дательным — 19, а на долю предложного падежа падает 7 предлогов. Одних только предлогов, отвечающих на вопрос «как?», насчитывается около 40 (!): *без* дома, *благодаря* дому, *в* дом (внутрь дома), *в* доме (внутри дома),

вдоль дома, *вместо* дома, *вне* дома (снаружи дома), *вокруг* дома, *выше* дома, *для* дома, *до* дома, *до* дому, *за* дом, *за* домом (после дома), *из* дома, *из-за* дома, *из-под* дома, *к* дому, *кроме* дома, *между* домами, *мимо* дома, *на* дом (наверх дома), *на* доме, *на* дому, *над* домом (выше дома), *о* доме, *от* дома, *перед* домом, *по* дому (вдоль дома), *по-над* домом, *под* дом (подниз дома), *под* домом (ниже дома), *при* доме, *ради* дома, *с* дома (к низу дома), *с* домом, *сверху* дома, *сквозь* дом, *у* дома (рядом с домом), *через* дом.

Русские существительные могут быть одушевлёнными и неодушевлёнными, имеют грамматический род (мужской, женский, средний, неустойчивый, общий, парный), который в некоторых языках (турецкий, английский) может полностью отсутствовать. Существительные, прилагательные и глаголы согласуются по роду и числу, в отличие от японского, испанского, английского, где согласование отсутствует или менее строгое.

> «Например, парадигма русского качественного прилагательного включает 101 флективную форму, поскольку эта парадигма объединяет 6 падежей трех родов ед. и мн. числа (всего 24); столько же форм сложной сравнительной степени, одну форму простой сравнительной степени; 48 форм простой и сложной превосходной степени и 4 краткие формы рода и числа. Тем самым место слова в предложении определяется самим адресантом, говорящим или пишущим.» [25]

Хотя русский язык не имеет категории времени Present Perfect ("I have eaten") английского языка, выражающей действие, совершённое в прошлом и имеющее результат в настоящем, он имеет своих 14 видов времени: 1) настоящее актуальное безотносительное; 2) настоящее неактуальное безотносительное; 3) будущее актуальное безотносительное; 4) будущее неактуальное безотносительное глаголов совершенного вида; 5) прошедшее безотносительное (перфект) глаголов совершенного вида; 6) прошедшее безотносительное неопределённое (аорист); 7) прошедшее безотносительное время глаголов несовершенного вида (имперфект) ; 8) настоящее относительное; 9) будущее относительное; 10) прошедшее относительное; 11) давнопрошедшее относительное (плюсквамперфект); 12) настоящее переносное (повествовательное); 13) будущее переносное; 14) прошедшее переносное [23].

В отличие от западноевропейских языков, требующих указание на источник действия, в русском языке сохранились безличные построения, отражающие иное мировосприятие растворённости, сопричастности субъекта с живым целым.

> К «индивидуальным свойствам русского языка» отнесём также категорию безличности, которая изначально присутствовала во всех индоевропейских языках, но затем была вытеснена субъектно-предикатной формой предложения [25, с. 42].

Ценным свойством русских глаголов является их огромное видовое разнообразие. На основе сочетаний 20 наиболее производительных приставок и

частицы -ся выстраиваются длинные «видовые цепи», образующие набор из более 30 форм (!) глаголов, образованных от общего корня: толкнуть → толкнуться → подтолкнуть → подталкивать → толкать → толкаться → вытолкать → выталкивать → повыталкивать… и т. д.

В русском языке около 100 союзов и около 240 частиц.

Благодаря флективности русское словосочетание имеет 3 вида связи: 1) согласование; 2) управление; 3) примыкание. В отличие от английского языка, где имеются только согласование, управление и примыкание, в русском предложении насчитывается 7 видов связи: 1) свободное присоединение; 2) взаимонаправленная; 3) соположение; 4) тяготение; 5) наложение; 6) присоединение; 7) сочинительная.

Флективность позволяет языку иметь необходимую для выражения мысли свободу порядка слов. Предложение «*Олег сдал экзамен вчера*» для выражения оттенков смысла может с помощью перестановки слов и интонации быть выражено 24 способами:

> 1) *Олег сдал экзамен вчера*; 2) *Олег сдал вчера экзамен*; 3) *Олег вчера сдал экзамен*; 4) *Олег вчера экзамен сдал*; 5) *Сдал Олег экзамен вчера*; 6) *Сдал Олег вчера экзамен*; 7) *Сдал вчера Олег экзамен*; 8) *Сдал вчера экзамен Олег* и т. д.» [25, с.4].

Флективность позволяет создавать множество видов предложений от однословных простых до гибких, разнообразных сложных синтаксических построений в виде многочленных сложных предложений с разными типами связи (сочинительной, подчинительной, бессоюзной, либо их сочетаний), а также многообразных сложных (контаминированных) построений, составленных из целых сложных предложений. Благодаря флективности возможны сложные метафоры и абстракции любого уровня всеобщности.

Эти и другие природосообразные характеристики делают флективные языки способными для выражения диалектики живого целого, присущей сложноорганизованному системному мировидению их носителей. Наделение самого строения слова свойствами, определяющими его значение и роль в предложении, отражает органическое понимание выделяемого и обозначаемого этим словом особого целого в виде конкретного объекта, понятия или множества (явления, вещи, предмета, в т. ч. человека, семьи, народа, общества и государства). В свою очередь это живое целое, организованное из частей, понимается как органичная часть большего целого.

Русская метафизика и философия — это гимн живому гармоничному целому, сопричастности с целым, полноты целого. Сущностным, болевым в ней является нравственный запрет на разъятие живого.

В тоже время флективное строение накладывает некоторые ограничения. В сравнении с языками иных синтаксических типов в русском нет в чистом виде или отсутствует ряд стратегий. Аспектуальная система выражается через глаголы совершенного и несовершенного вида, но не так явно, как в инуктитуте, где она

выражена через специальные морфемы или частицы (приставки и суффиксы), явно указывающие на завершенность или продолжительность действия, или как в английском, где разные ключевые слова для форм времени глагола (*Present Perfect, Past Continuous*) чётко указывают на особый аспект действия. Нет артиклей, которые используются в английском и других языках для указания на определённость или неопределённость существительного. Не имеет эргативной стратегии, как в агглютинативных языках.

Для выражения сложных грамматических и семантических значений или стилистических оттенков в флективных языках часто используются и развиваются аналитические средства, дополняющие флективные формы. Хотя русский язык — преимущественно флективный, в нём также для снижения нагрузки на морфологию, разнообразия и чёткости передачи значений дополнительно широко применяются аналитические средства. К ним относятся:

- предлоги для передачи падежных отношений;
- вспомогательные глаголы для образования сложных времен и наклонений;
- сложные глагольные формы с глаголом быть и модальными глаголами (мочь, хотеть, должен);
- разные виды порядка слов (прямой, инверсивный, топический, экспрессивный) для выражения вопроса, отрицания, выделения и др.;
- частицы (же, ли, бы, пусть, давайте) для выражения модальности, вопроса, побуждения и др.;
- сложноподчинённые и сложносочинённые предложения с союзами и союзными словами (что, чтобы, если, хотя).

Исследователи отмечают постепенное усиление и рост аналитизма в грамматической системе русского языка:

- усложнение системы формообразования: интереснее → более интересно, поживём → будем жить, пойдём → давай пойдём;
- изменение системы грамматических границ слова и его объёма: отношения коллег → отношения между коллегами, письмо отца → письмо от отца;
- преобразование сочетания слов в одно слово: заместитель директора → замдиректор, Третьяковская галерея → Третьяковка, зачётная книжка → зачётка;
- рост фразеологизмов: зарыть талант в землю, сказка про белого бычка, первый блин комом;
- увеличение числа несклоняемых заимствований и существительных общего рода: кофе, шоссе, меню, эксперт, космонавт, коллега и др.

Усиление во многом связано с влиянием европейских аналитических языков: из СМИ и научных текстов аналитизмы проникают в разговорную и художественную речь, постепенно упрощая и меняя строение языка и мышления. Это делает русский язык, подобно немецкому, смешанным с преимущественно флективным строем, но значимой аналитической составляющей.

Коллективное бессознательное и мышление русской языковой общности

Особенности русской философской ментальности, столкновение русского реализма и западного номинализма раскрыты в монографии Колесова В. В. «Реализм и номинализм в русской философии языка» [26].

> «Отталкиваясь от неприемлемого русской философией концептуализма Канта, русские мыслители вырабатывали гносеологию «живого знания», четвертый тип теории познания (по определению Семена Франка), идущий на смену рационализму, эмпиризму и критицизму» [26].

Как отмечает В. В. Колесов, самостоятельные части речи в русском языке имеют деятельную субъектность как члены предложения, их отношения в строе словосочетания и предложения определяются их сущностью (соединены со словом). Это отражает русскую метафизику вещи как особой сущности (предмета, объекта), включая человека. Для русского сознания характерна номиналистическая точка зрения со стороны «вещи».

> «Действительность понимается как система собственных действий, на что указывает и внутренняя форма отвлеченного имени *действительность*. Таким образом, в установочном треугольнике *вещь* заменяется *делом*, что и определяет предпочтение глагола имени, а процесса — результату» [26].

Соборное, для всех равноценное слово для русского сознания не условное обозначение, а воплощённая в образ нравственно окрашенная живая мысль.

> «В связи с этим мысль расценивается как дело, за мысли можно судить так же, как и за совершенное дело» [26].

Сказал равнозначно тому, что «сделал», «исполнил». Отсюда «слово и дело», слово, которое могло стоить жизни тому, кто его доносил. Слово несёт не просто коммуникативно-номинативное лексическое значение как в языках аналитического изолирующего строя, но и когнитивно-сущностное синтаксическое содержание.

Внутренне присущие синтетические средства важнее внешних аналитических. «Внутреннее понимание существа дела (личная *совесть*) всегда выше навязываемого извне и со стороны явленного мнения» [26].

Результат нравственного действия окрашен признаком красоты, т.е. согласован внутренне и внешне по принципам живого целого. Действие оценивается по критерию «хорошо — плохо», а в оценке продукта этого действия — критерий «красиво — некрасиво». Красота спасёт мир: как выражение совершенства согласованного живого целого красота включает в себя пользу и важнее её. Отсюда «враждебное отношение к практицизму и позитивизму западного толка» [27]. *Красна девица* (внешняя красота) и *добрый молодец* (внутренняя доброта) выражают с разных сторон один и тот же признак.

Русская метафизика целого преимущественно имеет организмический, или как минимум холистический характер. Поэтому для славян качество дела или исполнения важнее, чем количество произведенного.

«Высшим качеством признается целое, которое в самом общем виде предстает как *жизнь*» [26].

Основным направлением русской мысли является философия Всеединства, как живой цельности всеобщего. Целое не составленное множество, а живое согласие, красота организации.

«Составить убеждение из различных систем — нельзя, как вообще нельзя *составить* ничего живого. Живое рождается только из жизни» [27].

«Это понимание системности отличается от западноевропейского (иудейского, по авторитетному суждению Осипа Мандельштама), согласно которому целое *конструируется* из элементов на основе приписанных этим элементам признаков и предстает как *относительность отношений в пределах целого*» [26].

То, что организует, одухотворяет оживляет и выражает гармонию живого целого важнее его материальных составляющих: «*правда ценнее отвлечённой истины*, как и вообще душевное важнее телесного, а искусство информативнее науки» [26].

Поведение человека определяется внутренними нравственными установками, также как слово он вступает сам в отношения с общим живым целым через соборное служение (падеж, склонение). Оно определяется правдой-справедливостью, которая одухотворена чувством, личным отношением совести, характеризуется свободою воли в отличие от предопределённой извне законом или чужим мнением требующей подчинения правды-истины. Общественное народное бытие руководствуется не установленной извне известной истиной как «государственной» категорией, а постоянно развивающейся и требующей постижения правдой.

«Что касается культурно-специфических черт, то к их числу исследователи относят концепты «вера», «воля», «душа», «совесть», «судьба», «любовь», вобравшие в себя этнокультурный и религиозный опыт русской языковой личности. Не имея эквивалентов в других языках, эти концепты при переводе утрачивают присущие им семантико-смысловые особенности и коннотации и фактически превращаются в ментальные лакуны» [25].

Впитывая из уст родителей и окружения русский язык, усваивая его глубокие и широкие понятия, ребёнок интуитивно воспринимает целостное мировосприятие, идею связующего и внутренне присущего всему живому божественного начала, которое становится для него высшим авторитетом, не допускающим навязанного извне мнения. Поэтому понимание идеи Бога для русского человека всегда своё, а не чужое или книжное. Если встретятся два человека, часто очень далёких от философии и богословия, возможно даже невоцерковлённых или вообще не участвующих в жизни церкви, и станут обсуждать вопросы веры и религии, идей славянской веры или христианства, сотворения или порождения бытия и т.п., то могут спорить до хрипоты, отстаивая своё интуитивное и часто алогичное понимание истины, правды, совести…

«Бог предстает как иррациональная связь людей — высшая сила единения и цель движения» [26].

Отсюда самовольство, кажущаяся буйность и свободолюбие русского человека. При покушении на его «волю» русский человек упрям, т.к. не признаёт навязанное знание, не пропущенное через совесть. Но если он примет высокую большую цель, поймёт важность и необходимость своего участия в общем соборном деле, то будет сам служить и трудиться, часто не требуя достойного усилиям вознаграждения.

Западный термин однозначен, а потому безóбразен. Толкование конкретного как материально единичного, на основе номиналистической рациональной эмпирической рефлексии, не свойственно русской ментальности, в которой отвлечённое воплощено в конкретном органичном диалектическом синтезе, в образе, в котором всё существует «в совершенно внутреннем свободном соединении, или синтезе» (*В. Соловьёв*).

«В познании релевантными признаются главным образом «сходства и подобия», т.е. те элементы структуры целого, которые соединяют нечто в целостность, а не разрывают на части живое тело предмета» [26].

Исторически в Европе развивались три точки зрения на соотношение общего и частного (сущности и явления): номинализм, концептуализм и реализм.

Табл. 5

Сравнительная таблица

Аспект	Номинализм (англ.)	Концептуализм (нем.)	Реализм (рус.)
Философская позиция	Универсалии — имена, условные ярлыки	Универсалии — концепты в сознании	Универсалии — объективные сущности
Тип языка	Аналитический	Флективный с сильным аналитизмом	Флективный
Выражение грамматики	Служебные слова, фиксированный порядок	Морфология + аналитические конструкции	Морфология (флексия)
Отношение общего и частного	Общее — лишь имя для частных	Общее — концепт, возникающий из частных	Общее — реально существующая сущность
Языковое отражение	Отдельные слова и их сочетания	Сложные формы с морфологией и вспомогательными словами	Морфологические изменения слов отражают связи

• *Номинализм* отражает строение аналитического английского языка: акцент на конкретном, отдельном, грамматика выражается через отдельные слова, универсалии не имеют самостоятельного статуса. Он утверждает, что универсалии

(общие понятия) не существуют реально, а лишь являются именами (*nomina*), условными ярлыками, которые мы навешиваем на множество конкретных объектов.

В центре внимания номинализма *десигнат* — конкретный индивидуальный объект или явление в реальном мире, на который указывает слово. Он отвечает на вопрос: «Что именно слово (знак) обозначает?»

Простая совокупность индивидуальных десигнатов, без самостоятельного существования образует в номинализме *денотат* — множество объектов. Денотат — это конкретный объект, понятие или множество объектов, к которым применяется знак. Он отвечает на вопрос: «К чему относится это слово (знак)?» или «Что входит в обозначаемую словом (знаком) область?»

Смысл *знака* в виде слова в контексте обозначаемой вещи — в номинализме не более чем удобное имя, ярлык, не отражающий никакой реальной сущности. Аналитический строй английского языка отражает номиналистский акцент на конкретных, отдельных единицах (словах) и их комбинациях, а не на внутренней морфологической связи (встроенных категориях, выражающих универсалии). Например: слово «dog» — это просто ярлык для множества конкретных собак, не отражающий какую-то самостоятельную «сущность» собаки вне этих животных.

• *Концептуализм* отражает строение флективного немецкого языка с развитой морфологией, но при этом активно использующего аналитические средства. Он занимает промежуточную позицию между номинализмом и реализмом: универсалии существуют, но не как самостоятельные сущности вне мышления, а как понятия (концепты) в сознании, обобщающие частные явления. В центре его внимания *денотат, понимаемый* не как просто множество, а как *концепт*, возникающий из опыта частных явлений, который язык отражает через сочетание морфологических форм и аналитических конструкций, позволяющих варьировать степень абстракции и конкретизации. Например: в слове и конструкции «der Hund» (собака) — флективная форма с артиклем, указывающим на определённость.

• *Реализм* отражает строение флективного русского языка, который выражает их через богатую морфологию. В его центре смысл знака в виде слова. Он утверждает, что универсалии (народ, Бог и т.д.) существуют объективно и независимо от человеческого мышления как реальные сущности, встроенные в структуру языка. В русском мышлении возник «совершенно новый критерий истины: ни чувственное восприятие, ни чисто мыслительное понимание, а опыт как жизненно-интуитивное постижение бытия внутри бытия в со-чувствии и пере-живании» [26].

Общее (сущность) и частное (явление) тесно связаны и представлены в языке через морфологические признаки, показывающие принадлежность к классу, род, число и т. д. Язык структурирован так, чтобы отражать объективные связи между сущностями. Смысл знака — это значение, которое придаётся знаку в сознании, его интерпретация, связанная с контекстом и культурой. Он отвечает на вопрос: «Что этот знак значит?» или «Как интерпретируется этот знак в данном контексте?»

Например: слово «собака» изменяется по падежам, числам и родам, что отражает объективные свойства и отношения в мире, а не просто условные имена.

Русская метафизика не эмпирична и не рациональна, а диалектична: триадологический третий способ познания снимает противоположность между анализом и синтезом, отражая «установку на действие, на дело, на деятельность, на действительность» [26].

Флективный строй позволяет выражать сложные отношения и смысловые связи между словами, способствует диалектическому органическому методу мышления. Благодаря богатой морфологии и обширному словарю можно детально описывать наблюдаемые явления, их свойства и отношения. Синтетическая структура позволяет формировать сложные предложения с абстрактными понятиями, развивать философские категории, выражать причинно-следственные связи, временные и модальные отношения. Даёт возможность выражать сложные логические и философские конструкции, связывать понятия в триады, создавать обобщающие и системные высказывания.

В русском языке можно насчитать более сорока видов пространственного положения и движения предмета. В зависимости от задачи по отношению к разным предметам и в разных условиях в русском языке используются все способы ориентации в пространстве: встроенный, относительный и безотносительный, но в обыденной жизни более распространена встроенная система. Говорящие на живом русском языке одушевляют предметы и явления, придают им строение человека, имеющего перед, зад, левую и правую стороны и т.д. Как и все обозначаемые словами отвлечённые категории пространство в русской философии часто рассматривается как нечто большее, чем просто физическая категория. В работах идеалиста, спиритуалиста и реалиста Владимира Соловьёва «пространство, время, природная причинность не суть только обманчивые призраки нашего сознания, а им принадлежит независимая от нас, хотя и относительная действительность» [28].

Время в русской метафизике в отличие от западного подхода часто воспринимается как циклический процесс, как нечто, что повторяется и возвращается. Для русского сознания привычно воспринимать время как что-то способное с разной скоростью само передвигаться, проноситься, течь мимо неподвижного человека. Мы говорим: *время идёт*, *время течёт*, *годы летят*, *наступила ночь, медленно минуты проплывают*, *годы пронеслись*, *в течение недели*, *течение лет*, *как быстро течёт время* и т. п. При таком восприятии времени человек приспосабливается к текущим изменениям.

Социальные представления и образ глобального будущего русской общности

В органицизме коллективного бессознательного русской языковой общности коренится её извечное духовное и цивилизационное противостояние с Западом. Оно проявляется во всех сферах общественного сознания, включая представления о месте и роли человека в обществе, общественном и государственном устройстве, о

том, каким должно быть единое человечество будущего. Для дохристианских славянских верований на Руси была характерна организменная идея Бога-истока Рода, породившего из себя всех богов, мир и весь человеческий род. Бог Род олицетворял начало жизни, род и продолжение рода, создателя природы и космического порядка. Было свойственно понимание единства души и тела человека, его тесной связи с живой, одушевлённой, населённой духами, богами и предками природой и с организмом языковой общности (общины, племени, семьи, копы, верви, мира, рода, народа), а также лада между всеми ними. Человек воспринимался не как изолированная особь, а как часть общественного, природного и космического целого.

Идеи органицизма в славянском язычестве позже получили развитие в славянофильской философии XIX века, где подчеркивалась идея соборности и духовного единства народа как живого организма (например, у А. С. Хомякова и И. В. Киреевского). Для русской религиозной христианской философии всегда были свойственны идеи органицизма, скрывающиеся под маской авраамического трансцендентального идеализма и холизма. Русские мыслители искали и находят в новозаветном учении не непознаваемого грозного ветхозаветного Господа иудаизма, а Отца небесного и Богочеловека Христа.

Славянофил А. С. Хомяков видел идеал общественного и государственного устройства в соборности как «единстве во множестве», утверждая, что только в «соборном» сообществе каждый отдельный человек свободен и в единстве со всеми способен обрести свою целостность. В программной статье «О старом и новом» он формулировал принцип соборности в проекции на социум:

> «Настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех — каждому. <…>
>
> Единство истинное, внутреннее, — плод и проявление свободы, единство, которому основанием служит не научный рационализм и непроизвольная условность учреждения, а нравственный закон взаимной любви и молитвы». [29].

Богослов, священник и экономист Сергей Булгаков вслед за Аристотелем понимал общество как «сверхиндивидуальный организм».

> «Социальный организм вовсе не есть какая-то умопостигаемая, метаэмпирическая или метафизическая связь человечества, но имеет вполне эмпирическое, научно постигаемое бытие. <…>
>
> Жизнь есть начало свободы и организма, т.е. свободной целесообразности, в противоположность механизму с его железной необходимостью. <…>
>
> Можно сказать, что весь мировой и исторический процесс вытекает из противоречия между механизмом, или вещностью, и организмом, или жизнью, и из стремления природы преодолеть в себе механизм как начало

необходимости, с тем чтобы преобразоваться в организм как начало космической свободы, торжество жизни, *панзоизм.»* [30].

Народы с флективными языками (славяне, германцы, романские народы) имеют богатое историческое сознание. В формировании образа глобального будущего для них играют большое значение роль сообщества, сохранения языкового и культурного наследия, национальной идентичности, традиционных ценностей. Немецкий язык и культура сосредоточены на технологическом развитии, социальной ответственности и экологической устойчивости. Итальянская и другие романские языковые общности на сочетании традиционных ценностей с современными европейскими идеалами.

Для русской философии традиционными являются концепции всеединства и соборности. Образ будущего в русской культуре, в творчестве А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Н. А. Бердяева, других великих писателей и мыслителей часто связан с идеями духовного возрождения, социальной справедливости, роли России как великой державы, великой цивилизации с особой миссией, трудного и высокого нравственного выбора, ответственности за будущее мира. По данным ВЦИОМ за 2022 г. «для 68 % россиян важна сохранность традиционных ценностей в будущем, а 54 % считают, что Россия должна сохранить свою роль великой державы». Есть такие, кто видит предназначение России в том, что она должна быть мостом между Востоком и Западом, «сейфом» для духовных и культурных ценностей человечества или «холодильником» для достижений иных цивилизаций.

В докладе Института «Царьград» «Россия 2050. Образ будущего» были изложены ключевые положения национальной идеи в понимании части общества, стремящейся удержать ценности распадающейся западной христианской византийской цивилизации, являющихся следствием корневого мировидения и мышления семитских народов, защитником которых Московская Русь провозгласила себя после гибели второго Рима. Цель суверенного пути развития государства-цивилизации Россия должна состоять в исполнение особой духовной и исторической задачи, возложенной на неё Богом, по выполнению миссии «Удерживающего» (Катехона), защищающего мир от зла.

> «В духовном плане миссия России как Катехона заключается в сохранении христианской веры, в удержании антихриста и сил зла. В историческом плане, согласно Данилевскому, миссия России состоит в миродержавии – в предотвращении сползания человечества в хаос и смуту, а также в недопущении установления мирового господства (гегемонии) какого бы то ни было государства либо любой иной силы (метафорически – в недопущении наступления ада на земле)» [31].

Будущее для идеологов «Царьграда» находится у них за спиной. Вместо органичного ноосферного подхода на основе присущего русской языковой общности разума живого целого и построения мировой ноосферной космической научной цивилизации с человеком нового типа, которого воспитывали выдающиеся

советские педагоги Макаренко, Выготский, Сухомлинский, Базарный, Щетинин и др. в XXI веке миссия России как «Удерживающего» заключается в защите православного христианства, а также традиционных институтов и ценностей – религии, семьи, классической культуры прошедших веков и т.д. «Отправной точкой русской картины мира, а значит, и национальной идеологии должны выступать вера в Бога» [31]. Россия – Третий Рим – должна быть централизованной унитарной автократией с жёсткой вертикалью «исполнительной власти, во главе которой стоит глава государства, наделённый максимально широкими властными полномочиями», осуществляющий их бессрочно [31]. Идея, что, не допуская другие силы к мировому господству, Россия сама должна быть сверхдержавой, государством государств и стремиться к мировому лидерству, прямо отражает логику противостояния метафизической рефлексии, на которой было воздвигнуто здание распадающейся на наших глазах западной глобальной цивилизации.

Но в последнее время всё бóльшая часть народа приходит к убеждению, что ей надо идти своей дорогой, на своём примере показать народам мира путь к справедливому и гармоничному общественному бытию, создать и возглавить ноосферное космическое человечество будущего, стать его культурным центром и энергетическим сердцем. Из опроса Левада-Центра (2021) «почти 60 % опрошенных считают, что Россия должна идти своим особым путем, отличным от западных моделей развития».

В жизни традиционного русского общества синтаксические характеристики находят отражение в важности зрелости её члена, т.е. в способности нести ответственность за своих родных, близких, сородичей. Русский народ возможно единственный в мире, кто строил общину не на семейных или клановых, а на поземельных трудовых отношениях. Общинное самоуправление осуществлялось не по внешним законам, а по внутренним понятиям, обычаям.

Влияние, роль, служебное положение определяются и признаются членами семьи, общины по вкладу человека в общее дело, зависят от внутренне присущих ему свойств, а не по приказу. Каждый на своём месте должен исправно исполнять свой служебный долг, в том числе и чиновник, и дворянин, и сам государь. Успешность функционирования власти зависит не от её постоянной сменяемости, а во многом от того, кто её исполняет и стоит во главе принятия решений.

Для социальных представлений и образа глобального будущего русского народа характерна значимость сообщества, семьи, народного согласия. Свойственны представления о будущем как о совместном соборном деле, общем благополучии. В народных чаяниях общественное бытие представляется основанным на любви и творчестве. Важную роль играет органическое целостное мировоззрение. Присутствуют тревоги по поводу экономических кризисов, внешних угроз, упадка рождаемости, старения и вымирания народа, утраты им культурной преемственности и самобытности. Опросы ВЦИОМ 2020–2023 гг. показывают, что большинство россиян связывают своё будущее с понятием стабильности, улучшения качества жизни и сохранения культурных традиций.

Русская цивилизация предлагает строить будущее человечества на основе духовных начал, нравственности, милосердия и любви к ближнему. Важны идеи внутреннего преображения человека как основы социального прогресса; единства народов не основе духовного сопричастия; значимости общины, семьи, народа как основы социальной организации; сотрудничества, взаимопомощи и социальной справедливости; многообразия культурного богатства народов и их единства на основе общих ценностей и взаимного уважения. Человек мыслится как живая клетка организма природы и космоса, что налагает ответственность за их состояние и развитие.

Образ «Русского мира» — пространства, объединяющего людей, говорящих на русском языке и разделяющих общие культурные и духовные ценности - предполагает развитие цивилизационного диалога, основанного на взаимоуважении и сотрудничестве, а не на доминировании и конфронтации. Как указал президент РФ Владимир Путин в статье для газеты «Жэньминь Жибао» в марте 2023 года, Россия и Китай «выступают за формирование более справедливого многополярного мироустройства, основанного на международном праве, а не на неких „правилах“, обслуживающих потребности „золотого миллиарда“». 5 октября 2023 г. на заседании дискуссионного клуба «Валдай» В.В. Путин озвучил принципы нового и более справедливого органического мироустройства:

1) открытость и взаимосвязанность мира, запрет на искусственное возведение барьеров;

2) многообразие мира должно стать фундаментом всеобщего развития, нельзя навязывать народам чуждый им образ жизни;

3) мир будущего — мир коллективных решений (тех, кто способен внести эффективный вклад в решение проблемы);

4) всеобщая безопасность, построенная на уважении интересов всех;

5) справедливость для всех, отсутствие эксплуатации народов;

6) равноправие, несмотря на разность потенциалов разных стран.

Русская языковая общность предлагает миру образ будущего единого человечества как духовно и культурно объединённого сообщества, основанного на нравственных ценностях, общинности, гармонии с природой и уважении к многообразию, дающего всем народам возможность своей реализации без утраты языковой, культурной и духовной идентичности. В этом образе Россия занимает особое место посредника и хранителя духовных начал, способного объединять различные цивилизации в едином общечеловеческом проекте.

Заключение

Обзор самоочевидных и недоказуемых метафизических моделей, определяющих особенности коллективного бессознательного, из которого произросло всё многоцветие несводимых друг к другу философских и религиозных

учений, показал глубокую тесную связь между характеристиками метафизики, мышления и типом синтаксического строя языка языковой общности. Противоречия носят качественный, часто взаимоисключающий характер и разрешаются обычно через гибель одной из конкурирующих сторон.

Терпеливый читатель в зависимости от строя его психики, происхождения и вложенных в него воспитанием и образованием метафизических представлений сам определит, какое из рассмотренных мировидение и мировоззрение ему ближе — знаковое изолирующих языков, линейное субъектное аналитических, неразрывное полисинтетических, пошаговое агглютинативных, корневое дуальное семитских, комплексное органическое гибкое и сплавленное флективных.

Но необходимо понимать, что моделирование и построение единого ноосферного человечества как живого целого возможно только на основе органического мировоззрения (органицизма). Для выработки которого необходима органическая методология — единство органического *метода* в виде разума живого целого (подлинной диалектики или триадологии) и органической *логии* в виде флективного языка. Органический метод подходит к человеку (языковой личности) как к живой части общественного «организма» (языковой общности). В свою очередь языковые общности понимаются как особые социальные виды, образующие социальное царство человеческого рода, а человеческий род как часть живой природы Земли и Вселенной.

Необходимо понимать, что органический подход на основе триалектической рефлексии нельзя смешивать с целостным (холистическим) или с системным, т.к. они являются производными метафизической рефлексии и ведут к иным метафизическим представлениям, иным типам мировидения, коллективного бессознательного и мышления. Холизм приводит к трансцендентальному идеализму, к авраамическим профетическим философско-религиозным учениям, к мистицизму и витализму, к платонической редукции. А системный подход, если он ценностно и сущностно не привержен принципам организации живой природы, которым следует органицизм, может скатываться при исследовании человека и социальных систем (семьи, общества, народа, государства, цивилизации и человечества) не только к холизму, но и к меризму, ведущему к эмпиризму, схематизму, физикализму, демокритовской редукции, вплоть до механицизма.

Органическое мировоззрение (органицизм, организмизм) соответствует идеям социальной справедливости и гармонии, лежащих в основе строения живых природных систем и тел. Органическое мировоззрение — животворящее учение, связывающее Бога (сущую Первопричину) с постоянно порождаемым им бытием в единое живое целое, мост, соединяющий небеса и землю. С точки зрения логики живого целого невозможна пропасть между небесной Первопричиной и земным бытием и человеком, как частью единой природы и Вселенной. Христианское православие — продукт метафизической рефлексии авраамического миропонимания на основе корне-квадратной метафизики и мышления. Для выхода из системного метафизического тупика, из состояния антагонизма и войн,

порождённого метафизической дуалистической рефлексией, человечеству необходима смена существующей цивилизационной парадигмы на диалектическое понимание живого целого, разумные отблески которого в разной степени мы видим на протяжении всей истории во всех учениях всех народов.

Литература

1 *Гамкрелидзе Т.В.* Р. Якобсон и проблемы изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5–9.
2. *Кинсбурский А.В.* Органичное мировоззрение — условие преображения и спасения человечества // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.25053, 30.12.2018 (дата обр. 25.04.2025)
3. *Владимиров Ю.С.* Метафизические основания физики: Обоснование метареляционной парадигмы. — М.: ЛЕНАНД, 2024. — 240 с. С. 15
4. *Пивоваров Д.В.* Часть и целое // Современный философский словарь. — URL: https://encyclopedia_philosophy.academic.ru/417 (дата обр. 25.04.2025)
5. *Борзова Е.П.* Триадология. — СПб.: СПбКО, 2013. — 579 с. — URL: https://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005d/2757-br.pdf (дата обр. 25.04.2025)
6. Философская энциклопедия. ЧАСТЬ И ЦЕЛОЕ. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1358/ЧАСТЬ (дата обр. 25.04.2025)
7. *Гессен Вл.* Органическая теория государства // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. –URL: https://gufo.me/dict/brockhaus/Органическая_теория_государства?ysclid=ls3cgf1w2y690836179 (дата обр. 25.04.2025)
8. *Лачинов В.М., Поляков А.О.* ИНФОРМОДИНАМИКА или Путь к Миру открытых систем. — С-Пб., 1999. — URL: http://www.inftech.webservis.ru/it/information/informodynamics/index.html (дата обр. 25.04.2025)
9. *Кинсбурский А.В.* Органичный синтактический языковой код образа будущего России и мира в XXI веке // Битва за образ будущего бытия России и мира в XXI веке. Зеленовские чтения: Материалы 52 Международного академического симпозиума. — Н. Новгород: НО РФО, ПАНИ, НФК, 2024. — С. 96–112
10. Философская энциклопедия. ЯЗЫК — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1447/ЯЗЫК (дата обр. 25.04.2025)
11. *Кинсбурский А.В., Мухина И.К.* Единство и различие языков мира как инструментов национального сознания // Кафедра иностранных языков Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина. Международная очно-заочная научно-практическая конференция «Языковая картина мира. Ценностные смыслы». — Краснодар, 2022. — 7 с.
12. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М.: Яз. славян. культуры, 2001
13. *Добричев С.А.* Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней : монография / С.А. Добричев, Л.А. Козлова, Т.Г. Пшенкина. — Барнаул : АлтГПА, 2013. — С. 189
14. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — I-XV.
15. Школа английского языка Skyeng: https://skyeng.ru/articles-kitajskij/kultura-i-tradicii-cn/kitayskaya-filosofiya-i-yazyk-kak-idei-vliyayut-na-rech/

16. *Шатилов К.* Философия английской грамматики: как структура языка влияет на восприятие реальности: kirill_shatilov — ЖЖ. — URL: https://kirill-shatilov.livejournal.com/356580.html
17. *Козлова Л.А.* Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего: монография / Л. А. Козлова. Барнаул: АлтГПА, 2009.
18. *Murdoch Iris.* The Bell. London: Clays Ltd, St Ives plc 2014. — P. 298.
19. *Добричев С.А.* Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней: монография / С.А. Добричев, Л.А. Козлова, Т.Г. Пшенкина. — Барнаул: АлтГПА, 2013. — С. 203.
20. *Mattisen J.* The ontology and diachrony of polysynthesis // Advances in the theory of the lexicon / Ed. by D. Wunderlich. Berlin, New York, 2006. P. 291).
21. *Смирнов А.В.* Сознание и язык (ответ П.С. Куслию). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soznanie-i-yazyk-otvet-p-s-kusliyu/viewer
22. Chat GPT: нейросеть на русском языке. - URL: https://gpt-chatbot.ru/
23. *Камынина А.А.* Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1999. - 240 с.
24. *Шемшук В.А.* Божественность в русском языке. М.: Шемшук и К, 2019
25. *Владимирова Т.Е.* О русской ментальности в языке, речи и научном дискурсе // Метафизика, 2021, № 1 (39). - С.44–45
26. *Колесов В.В.* Реализм и номинализм в русской философии языка. — СПб, Logos, 2007. — 384 с.
27. *Киреевский И.В.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1911.: II, 172
28. Философское миросозерцание В. С. Соловьева (Лопатин) — Викитека/ URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Философское_миросозерцание_В._С._Соловьева_%28Лопатин%29
29. *Хомяков А. С.* «Соборность» // Собрание сочинений в 2 т. — Москва: Изд. Московской духовной академии, 1997. — Т. 1, с. 190.
30. *Булгаков С.* Философия хозяйства. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/filosofija-hozjajstva/#source
31. Доклад Института «Царьград» «Россия 2050. Образ будущего». – URL: https://tsargrad.institute/analytics/rossija-2050-obraz-budushhego_83